

Святитель Феофан, затворник Вышенский

*Архимандрит ГЕОРГИЙ (Тертышников),
преподаватель Московской Духовной Семинарии*

СВЕТИЛЬНИК ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Жизнь и деятельность святителя Феофана Затворника

1. ДЕТСТВО, УЧЕБА, ПЕРВЫЕ ШАГИ НА УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПОПРИЩЕ

1. Детские годы, учение в Ливенском духовном училище, Орловской Духовной Семинарии и Киевской Духовной Академии

Великий учитель Русской Церкви епископ Феофан, в мире Георгий Васильевич Говоров, родился 10 января 1815 г. в селе Чернавске, Елецкого уезда, Орловской губернии¹.

Его отец, Василий Тимофеевич Говоров², был священником Владимирской церкви этого большого села. Вся жизнь он отличался истинным благочестием. «Как выдающийся среди духовенства деятель отец Василий скоро был замечен епархиальной властью и назначен на важную и ответственную должность благочинного³. Находясь на этой должности в течение 30 лет, он заслужил одобрение начальства, любовь и уважение подчиненных⁴. Отец Василий был человеком прямого и открытого характера, добросердечный и гостеприимный, так что дом его посещался многими духовными и светскими лицами⁵.

Мать будущего святителя, Татьяна Ивановна, происходила из священнической семьи⁶. Она имела тихий, кроткий нрав и любвеобильное сердце; была сострадательна и всегда готова прийти на помощь всякого рода нуждающимся.

В семье отца Василия было три дочери и четыре сына⁷.

Первоначальное образование отрок Георгий получил в родительском доме. Благочестивые родители старались дать ему воспитание в духе христианской любви и церковности. Уже в детстве у Георгия ярко проявились лучшие характерные черты его родителей: от отца он унаследовал сильный и глубокий ум⁸, от матери — нежное, любящее сердце, кротость, скромность и впечатлительность. Эти природные задатки и качества души, приобретенные в семье, развитые и умноженные непрестанной работой будущего святителя над собой, составили основу того светлого и цельного облика Затворника, который нам известен из его жизни и трудов⁹. Под мудрым руководством отца и под нежным, добрым попечительством матери, при благочестивой настроенности всего семейства протекали годы детства Георгия. В эту пору «развился к известной степени его ум, утвердилось в его сердце и воле начало нравственности и насаждены в нем добрые семена веры, послушания и смирения»¹⁰.

В 1823 г. Георгий поступил в Ливенское духовное училище. Здесь он жил в квартире учителя Ивана Васильевича Петина¹¹, который имел большое благотворное влияние на своего ученика. Он побуждал Георгия исправно учить уроки, помогал ему в этом деле и «учил послушанию к учителям, уважению к старшим и вообще благонравию, следил и за его религиозным настроением»¹². Благодаря стараниям смотрителя отца Василия Скрябина нравственный и духовный климат в училище был самый благоприятный. Способный, хорошо подготовленный отрок Георгий легко прошел курс духовного училища и через шесть лет (в 1829 г.) в числе лучших учеников был переведен в Орловскую Духовную Семинарию.

Именно здесь началась работа сознательной мысли юноши; тогда же впервые ясно обнаружилась некоторые основные склонности его души, которые остались в нем до конца жизни¹³. В годы учебы в Семинарии у Георгия появилось необычайное и все более возрастающее благоговение к святителю Тихону Задонскому¹⁴. Вместе с родственниками юноша совершил паломничество в Задонский монастырь, где почивали мощи святителя Тихона Задонского, в то время еще не прославленные¹⁵.

В Семинарии Георгий Говоров учился успешно. Во главе Орловской Семинарии стоял тогда архимандрит Исидор, впоследствии известный иерарх Русской Церкви — митрополит С.-Петербургский и Новгородский. Преподавателями были люди исключительно даровитые и усердные. В частности, учителем словесности был иеромонах Платон, впоследствии митро-

полит Киевский и Галицкий. Философские науки преподавал профессор Евфимий Андреевич Остромысленский, увлекавший юных семинаристов своими замечательными лекциями. Ему, по-видимому, обязан Георгий Говоров своим особенным интересом к философии и психологии: будучи в числе лучших учеников, ради этих наук он сам пожелал остаться на повторный курс в философском классе.

Благочестие и добрая нравственность, заложенные в душе Георгия в детские годы, не только не угасли в период учебы, но продолжали возрастать. Уже тогда проявилась его любовь к уединению, «это истинное семя будущей жизни отшельника»¹⁶. В семинарских ведомостях неоднократно отмечалось, что он «отличается склонностью к уединению и трудолюбию», «назидателен в обращении с товарищами и подает собою пример трудолюбия и благонравия», «кроток и молчалив»¹⁷.

Отлично окончив Семинарию, Георгий Говоров был занят мыслью о подыскании подходящего сельского прихода и невесты¹⁸, хотя в глубине сердца мечтал об Академии, но не надеялся на подобное счастье. Однако в 1837 г. неожиданно по личному распоряжению епархиального архиерея — епископа Орловского Никодима — Георгий направляется в Киевскую Духовную Академию, «хотя тогдашний ректор архимандрит Софроний»¹⁹, ценивший в своих учениках больше всего твердое заучивание учебника, чем не отличался Говоров, не имел в виду и даже был против»²⁰.

Киевская Духовная Академия в те годы процветала и могла вполне удовлетворить как умственные запросы Георгия Говорова, так и духовные стремления. Необходимо заметить, что Киевский митрополит Филарет (Амфитеатров), прозванный за святость жизни «Филаретом благочестивым»²¹, уделял очень большое внимание духовно-религиозной жизни студентов. Это было цветущее время как по доброму нравственному направлению жизни Академии, так и по обилению талантов в профессорской корпорации. В Академии завершилось образование и ясно определилось общее направление нравственной жизни Георгия Говорова.

В первые годы его учебы ректором Академии был архимандрит Иннокентий (Борисов) — знаменитый церковный проповедник²², читавший лекции по Энциклопедии богословских наук. Ректор обладал необычайной способностью неотразимо воздействовать на своих воспитанников. Прекрасный проповедник, он своими вдохновенными импровизациями увлекал и восторгал слушателей. Каждая лекция его, каждая проповедь были целым событием, пробуждавшим работу мысли и поднимавшим духовный настрой в студенческой среде. От природы живой и энергичный, он внимательно следил за занятиями студентов и постоянно заботился прежде всего об основательном философско-богословском их образовании, обращал особое внимание на развитие в них любви к проповедничеству. Замечательным педагогическим качеством архимандрита Иннокентия было то, что он, сам человек восторженно образованный, желал, чтобы и студенты не замыкались в кругу специальных академических наук. Он настойчиво советовал им расширять образование посредством знакомства с лучшими трудами по другим отраслям знаний: астрономии, истории и др. Архимандрит Иннокентий приучал студентов говорить проповеди экспромтом и воспитывал в них любовь к этому великому делу.

Инспектором Киевской Духовной Академии (с 1838 г.) был архимандрит Димитрий (Муретов)²³, читавший лекции по Догматическому богословию и блиставший наряду с архимандритом Иннокентием силою мысли, красотой и глубиной изложения предмета. «Его лекции по Догматическому богословию, глубоко содержательные и проникнутые христианской любовью, производили сильное впечатление на слушателей»²⁴. Это был глубоко благочестивый человек, отличавшийся редким трудолюбием. Святитель Феофан сохранил об этом наставнике самые светлые воспоминания. Впоследствии он говорил, что из всех современных ему иерархов «самым даровитым по уму, широкому образованию и лучшим по жизни он считает Преосвященного Димитрия Херсонского»²⁵.

Из других преподавателей, которые почти все отличались высоким уровнем знания, особенно выделялся протоиерей Иоанн Михайлович Скворцов. Этот преподаватель Метафизики и Истории философии имел обширные познания в области философии, излагал в лекциях самое существенное и заботился о ясности, простоте и логичности рассуждений.

Священное Писание в Киевской Академии преподавал в то время молодой и даровитый бакалавр, впоследствии член С.-Петербургского духовно-цензурного комитета архимандрит Фотий (Ширевский).

Большое влияние на юношей имел также профессор красноречия Яков Кузьмич Амфитеатров, у которого студент Георгий Говоров учился глубокой христианской убежденности, простоте слога и ясности мысли. Студенты ценили Якова Кузьмича за его ораторское искусство, за его умение ярко говорить проповеди. «Слова его, обдуманые и выходящие из глубины сердца, сильно действовали на слушателей, особенно студентов, которые все приходили послушать одушевленную и красноречивую речь учителя»²⁶.

По свидетельству современников, студент Георгий Говоров именно здесь, в Киевской Академии, развил способность и любовь к писательству. Своими письменными проповедническими трудами он снискал уважение не только сокурсников, но и преподавателей. «Никто

лучше его не писал, — говорил впоследствии о святителе Феофане его сокурсник по Академии митрополит Московский Макарий (Булгаков), — только по скромности своей он не мог читать громко своего сочинения»²⁷. В профессорских ведомостях он аттестуется как студент, обладающий весьма хорошими способностями, отличающийся усердием и успехами в учебе. Любимыми предметами будущего архипастыря были предметы богословские, в особенности Священное Писание и Церковное красноречие. Всегда успешно писал он и семестровые сочинения. При отличных успехах в учебе студент Георгий Говоров обращал на себя внимание и своим поведением. Академическая инспекция²⁸ постоянно характеризовала его как человека «весьма скромного», «честного поведения», «отличающегося благонравием, исправностью в отношении своих обязанностей, любовью к богослужению» и «подающего пример другим»²⁹. Все эти добрые стороны нравственного облика и поведения студента Георгия Говорова предрасполагали его к иноческой жизни, к которой, очевидно, он с юности готовил себя. По словам профессора И. Н. Корсунского, в студенческие годы епископ Феофан «светил тихим, согревающим и ровным светом, более продолжительно и плодотворно действующим, нежели блеск ярко светящегося, но и скоро исчезающего метеора»³⁰.

Благодатное влияние оказали на Георгия Говорова Киево-Печерская Лавра и киевские церковноисторические памятники, которые были красноречивыми свидетелями подвигов русского иночества. Впечатления от посещений Лавры были настолько глубокими и сильными, что святитель до конца жизни с восторгом вспоминал о них. «Киевская Лавра, — говорил он впоследствии, — неземная обитель. Как пройдешь брешь, бывало, так и чуешь, что зашел в другой мир»³¹. Академическая и лаврская среда и собственное душевное настроение располагали Георгия Говорова к принятию монашества. Молодой студент смотрел на иночество как на трудный подвиг служения Церкви и окончательно решился на него только после долговременного размышления, пережив тяжелую душевную борьбу. «По свидетельству современников, Говоров во время каникул, по переходе в старший курс, казался замкнутым, сосредоточенным, по-видимому, решающимся на какой-то важный шаг в жизни, хотя никому этого не высказывал. Наконец, эта душевная борьба закончилась победой идеальных стремлений»³². К тому же во время учебы в Академии в его семейной жизни случились обстоятельства, которые окончательно укрепили его намерение стать иноком: в 1838 г. скончалась его мать, а через год и отец.

1 октября 1840 г., в праздник Покрова Пресвятой Богородицы, студент Георгий Говоров, решив верить себя Покрову Приснодевы и посвятить Богу свою жизнь, подал академическому начальству прошение о пострижении в монашество, в котором писал: «Имея постоянное усердие к занятию богословскими предметами и к уединенной жизни, я, чтобы соединить то и другое в предлагаемом мне служении Церкви, положил обет посвятить жизнь свою монашескому званию»³³. 15 февраля 1841 г. в Свято-Духовской церкви Киево-Братского монастыря он был пострижен ректором Академии архимандритом Иеремией³⁴ в монахи с именем Феофан, в честь преподобного Феофана Исповедника³⁵. Вскоре после пострижения он вместе с другими новопостриженными монахами³⁶ представился святителю Филарету, митрополиту Киевскому, который обратился к инокам со следующими словами наставления: «Храните больше всего чистоту души и тела: это должно быть вашим главным отличием от прочих людей; если сохраните вашу чистоту, Господь Иисус Христос вселится в вашем сердце, и тогда вам больше ничего не нужно, ничто не повредит вам, ничто не обременит вас. Для сего будьте трезвы, воздерживайтесь не только от хмельных напитков, но и от многоядения, во всем наблюдайте умеренность. Предайте себя в волю Божию, совершенно предайте. Не думайте о возвышениях, не позволяйте мечтам входить в голову; не оскорбляйтесь, если возвышают человека, по вашему мнению, недостойного. Будьте там, где поставят; будьте довольны тем, что дадут. Верьте, что доброго монаха Бог никогда не оставит: это невозможно! Молитесь как можно чаще, если можно, имейте Господа Бога в сердце и устах, и Он будет с вами всегда»³⁷. Иноки посетили духовника Киево-Печерской Лавры, известного своей подвижнической жизнью и строгим благочестием неросихмонаха Парфения, чтобы получить от него совет и благословение на новую жизнь во Христе. «Вот вы ученые монахи, — сказал прозорливый старец, — набравши себе правил, помните, что одно нужнее всего: молиться и молиться непрестанно умом в сердце Богу, — вот чего добивайтесь»³⁸. Этот совет молодые иноки приняли себе за правило и старались, каждый по мере своих сил и дару благодати, выполнять в течение всей своей жизни.

6 апреля 1841 г. инок Феофан ректором Иеремией, в то время уже епископом Чигиринским, викарием Киевского митрополита, в Успенском соборе Киево-Печерской Лавры был рукоположен в иеродиакона, а 1 июля — в иеромонаха. «Замечательно, — говорит один из биографов святителя, — что такой подвижник, как Преосвященный Феофан, пострижен в монашество и рукоположен в первые две степени священства таким истиннобогородным мужем, как Преосвященный Иеремия! Так в жизни духовной один ярко горящий светильник горением Божественного света возжигает другие, новые светильники, да во время свое поставлены будут на свещнице и светят всем „иже в храмине суть“»³⁹.

Принятие монашества и священного сана имело большое значение для будущего святителя. Как инок отец Феофан посвятил себя желанному уединению для беседы с Богом в молитве и для спасения души, а как иерей он прямо с академической скамьи предназначался на служение Церкви, на спасение душ многих других людей.

Во время этой важной перемены в своей жизни иеромонах Феофан продолжал учебу в Академии и писал курсовое сочинение. Он успешно сдал выпускные экзамены, а его курсовое сочинение «Обозрение подзаконной религии» в числе лучших было отослано в Святейший Синод на рассмотрение. Постоянный член Синода митрополит Московский Филарет, строгий ценитель богословских сочинений, своим мудрым и пронизательным взором заметил даровитость и трудолюбие отца Феофана. В своем отзыве он по достоинству оценил этот труд следующими словами: «Сочинение сие заключает в себе столько сведений и соображений о законе Моисеевом, что они служат достаточным свидетельством познаний сочинителя, дающих ему право на степень магистра»⁴⁰.

В 1841 г. иеромонах Феофан в числе первых окончил Академию со степенью магистра.

2. Первые годы учебно-воспитательской деятельности

27 августа 1841 г. иеромонах Феофан был назначен ректором Киево-Софиевского духовного училища⁴¹, находившегося под непосредственным наблюдением Киевского митрополита Филарета. По поводу этого назначения последний писал из С.-Петербурга своему викарию епископу Иеремии: «О ректоре Софиевского училища (Феофане) уже получено предписание. Покорнейше прошу вас особенно обратить внимание на сие новое училище и о всех нуждах его мне сообщать ваши мысли»⁴². Преосвященный Иеремия, сам хорошо знавший и любивший отца Феофана еще в Академии, всячески содействовал новому ректору, особенно в первое время его самостоятельной деятельности.

15 октября иеромонаху Феофану было поручено преподавание латинского языка в высшем отделении училища. По словам жизнеописателей, отец Феофан «был замечательным педагогом, и при исполнении своих обязанностей он достигал великих результатов»⁴³. Он обладал способностью умело сочетать учебный процесс с нравственным и религиозным воспитанием детей. Благочестие, нравственность, хорошее поведение он ставил не ниже образования, если не выше. Особенно же иеромонах Феофан заботился о религиозном воспитании детей: он давал им читать книжки с религиозно-нравственной тематикой, преимущественно жития святых, объяснял перед литургией праздничные и воскресные Евангелия и апостольские чтения, развивал в детях любовь к молитве и храму Божию, сам благоговейно совершал церковные богослужения, заставлял детей петь и читать в церкви. Отец Феофан считал, что «самое действительное средство к воспитанию истинного вкуса в сердце есть церковность, в которой несходно должны быть содержимы воспитываемые дети. Церковность, духовное пение, иконы — первые, изящнейшие предметы по содержанию и по силе»⁴⁴. В основу своей воспитательской деятельности отец Феофан поставил принцип, который и ныне многими признается, но весьма не многими осуществляется на деле, — христианскую любовь. «Полюбить детей, и они вас полюбят, — обыкновенно говорил новый начальник учителям, что и после советовал делать наставникам, когда в подобных случаях обращались к нему за советом, как опытному христианскому педагогу»⁴⁵. За ревностное исполнение своих обязанностей иеромонах Феофан удостоился благословения Святейшего Синода.

Молодой ректор находился в близких отношениях со своими прежними учителями и с лаврскими иноками, особенно со старцем Парфением, которого почитал как отца. Под руководством опытных киевских старцев иеромонах Феофан занялся изучением творений святых отцов. С этого времени практическое и научное изучение аскетической письменности стало делом всей его жизни.

Но недолго трудился отец Феофан в Киевском духовном училище. 7 декабря 1842 г. он был перемещен в Новгородскую Духовную Семинарию на должность инспектора и преподавателя психологии и логики. В новой должности отец Феофан смог в полной мере использовать опыт, накопленный в Киево-Софиевском училище, развить и углубить свои взгляды на построение учебно-воспитательного процесса. Молодой инспектор, убежденный, что Православная Церковь со своими возвышенными и назидательными священнодействиями есть лучшая воспитательница, прививал учащимся любовь к Церкви и ее установлениям.

На уроках психологии отец Феофан старался дать воспитанникам истинное представление о самосознании. Он учил, что каждый должен видеть и свое человеческое достоинство, и свои нравственные недостатки, что такое самосознание достигается христианином только в благодатном состоянии, напоминал, что душа предназначена к исполнению воли Божией, что христианин всеми способами должен избавляться от греховных, чувственных похотей и подвизаться в добродетелях, следовать заповедям Божиим и внушениям живущего в нем Святого Духа. «О самих явлениях и силах души Феофан сообщал довольно обширные сведения, руководствуясь, с одной стороны, сведениями философов и другими научными данны-

ми, а с другой — словом Божиим, писаниями святых отцов и собственными наблюдениями»⁴⁶. В то же время он старался установить в юных душах правильный взгляд на соотношение науки и религии, знания и веры, учил определять истинное место и значение человеческой мудрости.

Три года отец Феофан пробыл в Новгороде. В это короткое время он успел проявить себя как талантливый педагог-воспитатель и преподаватель науки о душе человеческой. Деятельность его в качестве инспектора Новгородской духовной семинарии была очень плодотворна. Один иерарх, воспитывавшийся в семинарии под его руководством, говорил: «Феофан был замечательный учитель и великий человек»⁴⁷.

Высшее духовное начальство высоко ценило нравственные качества и умственные способности иеромонаха Феофана, и потому 13 декабря 1844 г. он был переведен в С.-Петербургскую Духовную Академию на должность бакалавра по кафедре нравственного и пастырского богословия⁴⁸. Интересно отметить, что его сокурсник архимандрит Макарий (Булгаков) в это время был инспектором Академии и профессором по кафедре истории Русской Церкви. Отец Макарий «дружелюбно встретил иеромонаха Феофана и познакомил его с академическими порядками, сослуживцами-профессорами и начальством»⁴⁹. Ректором Академии в это время был Преосвященный Афанасий (Дроздов), епископ Винницкий, человек очень образованный и строгий администратор.

Верный своим педагогическим принципам, отец Феофан стремился действовать на будущих пастырей примером своей большой доброты и кротости. «Вся его педагогическая система, — говорит один из биографов святителя Феофана, — коренится в идее нравственно воспитывающего обучения. Он признает плодотворным только то образование, которое развивает не только ум, но и главным образом облагораживает сердце. Эта мысль красной нитью проходит по всем его сочинениям, затрагивающим педагогические вопросы»⁵⁰. Свой взгляд на духовно-педагогическую деятельность святитель выразил впоследствии следующими словами: «Воспитатель должен пройти все степени христианского совершенства, чтобы впоследствии в деятельности уметь держать себя, быть способным замечать направления воспитываемых и потом действовать на них с терпением, успешно, сильно, плодотворно. Это должно быть сословие лиц чистейших, богоизбранных и святых»⁵¹.

К преподаваемым предметам иеромонах Феофан относился с большим вниманием и в подготовке к лекциям проявлял высокую требовательность. Оставив чисто философскую почву, молодой педагог опирался на опыт аскетический и психологический. Главными источниками его лекций после Священного Писания и творений святых отцов были жития святых и психология. Однако он не полагался на свои силы и показал свои лекции архимандриту Игнатию (Брянчанинову)⁵², знатоку аскетических творений, который прочел и одобрил их⁵³. Лекции иеромонаха Феофана оказывали огромное влияние на слушателей, которые воспринимали их как жизненные уроки.

1 февраля 1845 г. отец Феофан был назначен помощником инспектора Академии, а 3 июля того же года он стал членом комитета для рассмотрения конспектов наук семинарского образования.

С 20 мая по 4 августа 1846 г. иеромонах Феофан исполнял обязанности инспектора Академии. К этому периоду относится трактат отца Феофана под заглавием «Что потребно покаившемуся и вступившему на добрый путь спасения?», а также несколько проповедей под общим названием «Поучения к говеющим во святой Великий пост».

Будущий святитель глубоко был предан делу доброго христианского воспитания, однако его влекло другое, а именно — уединенная монашеская жизнь. По долгу службы учебная работа отца Феофана соединялась с административными и хозяйственными заботами, к которым никогда не лежала его душа, и поэтому внутренне он не был удовлетворен своей служебной деятельностью. Дух его стремился в более сродную ему область молитвенного общения с Богом и иноческого жития. Свои мысли и чувства он выразил в письме к своему духовному отцу, епископу Иеремии: «Преосвященный Владыко, милостивый мой отец и благодетель! Простите, Господа ради, что я докучаю вам то своим непотребством, то, может быть, заносчивыми предприятиями. Говорю: может быть, ибо они не обдуманы, а лежат на душе, нудят и томят, не стихают, а все растут-растут. Но, Господи, имже веси судьбами, устрой о мне вещь. Ученою должностью начинаю тяготиться до нетерпимости. Пошел бы в церковь, да там и сидел»⁵⁴.

Скоро представился случай к удовлетворению духовной потребности отца Феофана. 21 августа 1847 г., по его собственному желанию, он был назначен членом создаваемой Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

II. ПАСТЫРСКАЯ И УЧЕНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

1. Служение в Русской Духовной Миссии в Иерусалиме

Во главе Русской Духовной Миссии в Иерусалиме был поставлен архимандрит Порфирий (Успенский)⁵⁵, прекрасный знаток Востока, известный церковный археолог, человек замечательного ума, несокрушимой энергии⁵⁶. Сотрудниками Миссии были назначены два студента, окончившие С.-Петербургскую Духовную Семинарию, — Н. Крылов и П. Соловьев.

«Главная цель Святогробского братства была миссионерская, но оно должно было служить и прибывающим в Святой град паломникам. Много богомольцев из России ежегодно бывало в Иерусалиме, и все они требовали удовлетворения тех или других религиозных нужд»⁵⁷. Для будущей Миссии была составлена инструкция, в которой, между прочим, предписывалось: «1. Иметь в Иерусалиме, как действительном центре православного исповедания на Востоке, представителей Русской Церкви и образец нашего благолепного богослужения; 2. Преобразовать мало-помалу само греческое духовенство, возвысить оное в собственных его глазах столько же, сколько и в глазах православной пастыи; 3. Привлечь к Православию и утвердить в оном те местные народные элементы, которые постоянно колеблются в своей вере под влиянием агентов разных исповеданий и слишком легко отступают от Православия вследствие недоверия к греческому духовенству и неблагоприятного поведения сего последнего»⁵⁸.

Высокая цель Миссии и имела определяющее значение для отца Феофана. Кроме того, его влекло в Палестину желание посмотреть на дорогу для каждого христианина Святую Землю.

14 октября 1847 г. Миссия в полном составе отбыла из Петербурга в Палестину. По пути следования члены Миссии заезжали к некоторым епархиальным архиереям России, а прибыв 23 ноября в Константинополь, они посетили Вселенского патриарха Анфима, который любезно принял всех и пригласил на богослужение в день святого апостола Андрея Первозванного⁵⁹. 17 февраля 1848 г. Миссия благополучно прибыла в Иерусалим и была радушно принята Блаженнейшим патриархом Иерусалимским Кириллом.

Члены Миссии имели постоянное место жительства в Иерусалиме⁶⁰, проводили здесь беседы с греческим духовенством и с русскими богомольцами, которых посещали в странно-приимных домах. Исполняя данную им инструкцию, они участвовали в соборных служениях вместе с иерусалимским духовенством и сами совершали торжественные богослужения, привлекая множество богомольцев в православные храмы⁶¹. Члены братства были на Иордане, в Вифлееме, Назарете и других евангельских городах и исторических местах древней Палестины и Сирии. В 1850 г. они совершают путешествие в Египет, посещают Александрию, Каир и местные монастыри, беседуют с патриархами Александрийским и Коптским, с иноками и мирянами, знакомятся с церковными и гражданскими достопримечательностями, изучают древности и быт египтян. «Пребывание наше в Каире, — пишет архимандрит Порфирий, — было сколько приятно, столько и полезно. Все мы, подобно пчелам, выработывали там сот, более или менее благовонный, смотря по качеству цветов, нами находимых»⁶².

Отец Феофан трудился особенно усердно, неукоснительно выполняя все, что от него требовали⁶³, но вместе с тем успевал многое сделать и для самообразования. В Иерусалиме он «очень хорошо выучился иконописи и снабжал бедные церкви своими иконами и даже целыми иконостасами»⁶⁴. Он прекрасно изучил греческий язык, основательно французский, занимался еврейским и арабским языками⁶⁵. В Палестине и Египте иеромонах Феофан познакомился с древним подвижничеством. Жизнь восточных подвижников он изучал по памятникам аскетической письменности прошлых веков, которые отыскивал в библиотеках. В своей работе отец Феофан большей частью пользовался отечниками и рукописными сборниками творений святых подвижников. Именно к этому времени относится начало собирания будущим святителем рукописей и печатных изданий, которые он потом переводил с греческого и новогреческого языка на русский⁶⁶.

В Иерусалиме отец Феофан досконально ознакомился с лютеранством, католичеством, армяно-григоризмом и другими христианскими инославными вероисповеданиями, «на деле узнал, в чем заключается как сила их пропаганды, так и слабость»⁶⁷. В беседах с инославными членами Миссии раскрывали истинность Православия, его веро- и нравоучения, но больше всего превосходство своего вероисповедания они показывали наглядным примером своей высококравственной, благочестивой жизни. Кроме того, они входили в официальные сношения с представителями инославных исповеданий и защищали права православных и их духовенства. За шесть лет Миссия принесла огромную пользу делу Православия, науке богословской и церковно-исторической, интересам России в целом.

Шестилетнее служение иеромонаха Феофана в Палестине имело для всей его последующей жизни очень важное значение. «Господу угодно было поставить Своего будущего подвижника и столпа Православия в центре Православия и других христианских исповеданий

для того, чтобы он усовершенствовался в аскетизме и другим послужил образцом веры и благочестия»⁶⁸.

В 1853 г. началась Крымская война, и в связи с ней члены Русской Духовной Миссии в том же году были отозваны на родину. По пути в Россию они побывали во многих европейских городах, везде осматривали храмы, библиотеки, музеи и другие достопримечательности, посетили некоторые учебные учреждения с целью ознакомления с положением дел в западной богословской науке⁶⁹. В Риме архимандрит Порфирий и иеромонах Феофан были на аудиенции у папы⁷⁰. В Италии отец Феофан, как большой любитель и знаток живописи, «всюду интересовался образцовыми художественными произведениями; во Флоренции он подробно осмотрел картины величайшего художника Европы Рафаэля и приобрел для себя много отличных исполненных снимков с них»⁷¹. В Германии он «подробно разувал в различных учебных заведениях о том, как там стоит наука вообще и богословская в особенности»⁷². За свои труды в Миссии иеромонах Феофан был возведен 14 апреля 1855 г. в сан архимандрита с присвоением титула настоятеля третьеклассного монастыря⁷³.

2. Учебно-воспитательская деятельность в С.-Петербургской Духовной Академии

В С.-Петербурге отец Феофан был благосклонно принят высшим духовным начальством и своими прежними сослуживцами по Академии, особенно архимандритом Макарием, который был уже ректором С.-Петербургской Академии. Три преподавательских места предложили ему на выбор: два — в Киевской Духовной Академии, одно — в С.-Петербургской. Архимандрит Макарий советовал ему избрать кафедру церковной истории в Киевской Академии, но отец Феофан положился на усмотрение духовного начальства. 12 апреля 1855 г. он был назначен преподавателем канонического права в С.-Петербургской Академии вместо архимандрита Иоанна⁷⁴, известного канониста, который был переведен в Казань.

Главная идея, которую проводил в своих лекциях отец Феофан, сводилась к тому, что спасение возможно только в Святой Церкви, под руководством законных пастырей, получивших свою власть по преемству от апостолов Христовых в таинстве Священства, что «власть издавать законы и правила для нравственно-религиозной жизни христиан принадлежит Церкви; что самое церковное правило есть то же нравоучение, только в практическом применении в жизни и деятельности». Кроме преподавания канонического права, архимандрит Феофан занимался проповедничеством⁷⁵.

К этому времени относится знакомство архимандрита Феофана с некоторыми великосветскими лицами С.-Петербурга, круг которых с течением времени все более расширялся. Уже одно то, что он был в Иерусалимской Миссии, приводило к нему многих почитателей. «Но архимандрит Феофан обладал и прекрасными качествами ума и сердца, которые влекли к нему многих лиц из высшего светского круга. Это — понимание религиозно-нравственных нужд собеседников и проникновение во внутреннее их души и бескорыстное и искреннее желание помочь им в деле спасения. Это — умение вести речь, возбуждать интерес к возвышенным религиозным истинам, умение ободрять, при сознании своих недостатков, и располагать к исправлению и покаянию»⁷⁶.

Отец Феофан не был ригористом; он старался по возможности учитывать положение и звание лиц, умел вести беседу с великосветскими особами на французском языке, был любезен, общителен, но при этом никогда не поступался истиной. Именно поэтому многие из них обращались к нему за советами и наставлениями в вере и благочестии, некоторые даже становились его духовными чадами⁷⁷.

3. Годы ректорства в Олонецкой Духовной Семинарии

15 сентября 1855 г. архимандрит Феофан получил новое назначение — на должность ректора и профессора Олонецкой Духовной Семинарии. Он прибыл по назначению в тот момент, когда Олонецкий архиепископ Аркадий был вызван в С.-Петербург для присутствия в Святейшем Синоде. «Да благословит вас, — писал архипастырь новому ректору, — всяцем благословением духовным в небесных о Христе Боге и Отце Господа нашего Иисуса Христа — в благоуспешном прохождении новых ваших должностей. Да радуется о вас Петрозаводск смиренный, яко о посланном к нему от Иерусалима»⁷⁸.

Как ректору Семинарии архимандриту Феофану предстояло много дел и хлопот. Из-за отсутствия Преосвященного Аркадия на отца Феофана были возложены дела не только по Семинарии и духовному училищу, но и многие епархиальные. Олонецкая Духовная Семинария в это время была еще совершенно не устроена, даже не имела своего здания. Архимандрит Феофан, по поручению начальства, должен был заниматься организацией строительства здания для Семинарии. Исполняя это поручение, он выбирает место для семинарского корпуса, составляет с архитектором план здания, нанимает подрядчиков, сам лично наблюдает за

работами⁷⁹. Кроме постройки здания Семинарии, архимандрит Феофан много хлопотал относительно устройства Свирского духовного училища, которое находилось в очень ветхом помещении. Отец Феофан осмотрел его и нашел, что отремонтировать его не имеет смысла, а следует ходатайствовать о том, чтобы отыскать новое здание, пока же перевести училище в частный дом. Он сообщил обо всем тому Преосвященному Аркадию, а вскоре с его согласия подыскал для училища дом на Лодейном поле и снял в аренду за 100 рублей в год на несколько лет, до устройства казенного здания.

Однако главной заботой отца Феофана оставалось воспитание учащихся Олонецкой Семинарии. Все силы он употреблял на то, чтобы, с одной стороны, предохранить их от собственных юношескому возрасту опасностей и увлечений, а с другой, — развить хорошие наклонности и внедрить добрые навыки, чтобы воспитанники по окончании курса Семинарии были полезными членами Церкви и Отечества⁸⁰. Отец Феофан ввел в Семинарии класс рисования и иконописания. Желающих учиться рисованию нашлось много; для них он отвел особую комнату и сам руководил их занятиями.

Заботясь о нравственном развитии семинаристов, архимандрит Феофан не забывал и о физическом их воспитании. Его заботы простирались и на бытовые условия воспитанников, их здоровье и повседневные нужды. Такое любвеобильное, отеческое отношение архимандрита Феофана к воспитанникам, естественно, вызывало их ответную искреннюю любовь и признательность.

Помимо семинарских дел, архимандрит Феофан должен был выполнять также многие дела по епархии⁸¹. 17 октября 1855 г. архимандрит Феофан определен членом Олонецкой духовной консистории. Наблюдение за исполнением распоряжений Преосвященного Аркадия и за общим ходом дел консистории, частые беседы с секретарем консистории по делам епархии — все это отнимало немало времени у отца Феофана. Но и здесь он нашел себе сферы деятельности, близкие его высокой духовной настроенности и пастырскому призванию: это, в первую очередь, проповедание слова Божия и выработка мер борьбы с расколом⁸².

Проповедничество приходского духовенства Олонецкой губернии стояло в то время не на должной высоте. Архимандрит Феофан предложил на рассмотрение Преосвященному Аркадию ряд мер по улучшению дел в этой области. Он и сам являл пример проповедника, достойный подражания. Не ограничиваясь проповедью слова Божия в семинарском храме, отец Феофан выступал с поучениями в кафедральном соборе⁸³. По предложению архиепископа Аркадия, он был назначен цензором Олонецкой епархии.

В это время в епархии, в Данилове, планировалось построение мужского монастыря. «В Данилове предполагается завести монастырь, — писал архимандрит Феофан своему архипастырю. — Не малая должна быть забота и о том, чтоб поместить туда монахов, не чуждых монашеского духа. Долгом считаю объяснить Вашему Высокопреосвященству свои на сей предмет мысли. Сколько слышу, в Оптиной пустыни, Калужской губернии, монашество цветет. Есть там старцы опытные; одного из таких старцев с учениками, ему преданными и им руководимыми, пересадить в Данилово. Настоятель тамошний — мудрый и ревнивый. К нему можно обратиться и, объяснив назначение Данилова монастыря, представить его опытности выбор. Между подвизавшимися там доволно и ученых (и писателей), если б в них оказалась нужда для будущего Данилова. Сбирать же монахов-охотников, разночинцев, безвестных, думаю, не поведет к цели»⁸⁴.

Много потрудились отец Феофан и в борьбе с расколом. Ознакомившись с положением Олонецкого раскола, который крепко утвердился в епархии, особенно в форме даниловщины, филипповщины, аристовщины и странничества⁸⁵, архимандрит Феофан вырабатывает ряд мер противодействия расколу; он назначает особую комиссию, в которую входили миссионер отец Мелетий, его помощник и трое благочинных с помощниками. Под непосредственным руководством отца Феофана члены комиссии усердно выполняли порученную им важную работу. Для более успешной противораскольнической деятельности отец Феофан открыл в Палеостровском монастыре библиотеку, в которой была собрана основная литература, жизненно необходимая для работы миссионеров. Для того, чтобы подготовить пастырей, способных к борьбе с расколом, архимандрит Феофан с благословения духовного начальства организовал в Олонецкой Семинарии миссионерский класс для учеников высшего отделения и открыл там вторую противораскольническую библиотеку.

4. Служение в Посольской церкви в Константинополе

Согласно Определению Святейшего Синода от 21 мая 1856 г., архимандрит Феофан снова был послан на Восток, на этот раз в должности настоятеля Посольской церкви в Константинополе⁸⁶. Отец Феофан был рад этому новому назначению. 29 мая он писал архиепископу Олонецкому Аркадию: «Глубоко поскорбел бы, если бы меня переместили из Петро-заводска куда-нибудь опять на ректуру, но то место, где, если угодно Богу, буду теперь, предпочитаю всему для себя»⁸⁷. С юных лет имея навык к послушанию и «всесовершенно преда-

ваясь Промыслу Божию, премудро, благостно и праведно все устрояющему»⁸⁸, он на протяжении всей своей жизни смиренно повиновался распоряжениям высшего начальства.

Выбор архимандрита Феофана на столь важный и ответственный пост настоятеля Посольской церкви в Константинополе обусловливался, несомненно, тем обстоятельством, что он был хорошо знаком с православным Востоком и был вполне подготовлен к этой должности. Пребывая ранее в Иерусалиме под начальством и руководством архимандрита Порфирия, отец Феофан приобрел там большой миссионерский опыт, обстоятельно ознакомился с главными инославными исповеданиями, изучил греческий и французский языки, мог свободно говорить и письменно сноситься с греками и турками, а также со всеми представителями инославных вероисповеданий.

Важность служения в должности настоятеля Посольской церкви в Константинополе определялась особенностями тогдашней политической и церковной жизни православного Востока. Константинопольская Церковь в это время переживала большие трудности в связи с распрей греков с болгарами. Болгары отстаивали свою церковную самостоятельность и требовали богослужения на родном языке и пастырей из своего народа. В этих законных требованиях их поддерживало турецкое правительство и многие представители западных держав. Константинопольская патриархия категорически не соглашалась ни на какие уступки. Религиозная вражда между греками и болгарами глубоко беспокоила представителей русского правительства и иерархов Русской Церкви. Русское правительство и Святейший Синод, озабоченные скорейшим прекращением этой распри, поручили отцу Феофану, как знатоку Востока, собрать сведения, которые могли бы осветить состояние греко-болгарской распри⁸⁹.

Во второй половине 1856 г. архимандрит Феофан отбыл в Константинополь через Одессу. Во время свидания с ним архиепископ Херсонский Иннокентий просил его собрать и доставить ему точные сведения о греко-болгарских церковных отношениях и вообще о состоянии Православной Церкви на Востоке. Архимандрит Феофан исполнил эту просьбу и представил архиепископу Иннокентию обстоятельный отчет⁹⁰, написанный 9 марта 1857 г. Отчет этот разделяется на две части: в первой отец Феофан пишет о тогдашнем движении среди болгар, во второй — о состоянии Восточной Православной Церкви, главным образом, Константинопольского патриархата. Предположения о том, чем кончится греко-болгарская распря, архимандрит Феофан не высказывал, однако свое отношение выражал весьма определенно: он не сомневался в справедливости и законности требований болгар и в то же время был заинтересован в улучшении положения Константинопольской Церкви в Турецкой империи⁹¹. Отчет отца Феофана был проникнут глубокой любовью к братьям-славянам и искренним желанием, чтобы Россия помогла им. Этот отчет имел впоследствии большое значение при обсуждении греко-болгарской распри Святейшим Синодом Русской Православной Церкви.

Живя в Константинополе и непосредственно наблюдая за развитием распри между болгарскими и греками, архимандрит Феофан сочувственно относился к первым. Он хорошо ознакомился с болгарскими школами и вообще заботился о развитии болгарского образования с тем, чтобы болгары «возросли в народ, разумно твердый в Православии»⁹²; он старался о том, чтобы болгары имели епископов и священников из своих соотечественников, чтобы богослужение у них совершалось на родном языке. Своей симпатией к болгарскому народу, сочувствием к его законным требованиям, своим искренним желанием помочь их осуществлению архимандрит Феофан снискал большую любовь болгар.

Озабоченный сложной ситуацией в Болгарской Церкви, архимандрит Феофан не забывал и о благе Константинопольской Церкви. Он близко познакомился с внутренней жизнью Константинопольского патриархата, с состоянием синода, положением патриарха, митрополитов, епископов, священников, с содержанием церквей и духовенства, и ему открылась весьма бедственная картина. Обо всем этом отец Феофан писал в своем отчете, взывая о помощи к «великодушной России», которой «не следует оставлять своей матери по вере в этом беспомощном состоянии»⁹³.

Во время своего пребывания в Константинополе архимандрит Феофан заботился и о русских, которые здесь жили. Так, он предлагал русскому правительству устроить в Константинополе госпиталь для русских матросов и паломников. Просил он также устроить и «братство с церковью»⁹⁴.

Отец Феофан жил в мире со всеми: и с греками, и с болгарами, и с членами посольства — посланником А. П. Бутеновым, и секретарем Новиковым, и со своими сослуживцами. За миролюбие и приветливость его полюбили и многие светские лица, жившие тогда в Константинополе, с которыми приходилось ему беседовать о предметах веры.

В это время отец Феофан сделался известным графу А. П. Толстому, который был почитателем греков и Греческой Церкви. Знакомство с графом имело большое значение для последующего служения архимандрита Феофана Святой Церкви, когда А. П. Толстой занял пост обер-прокурора Святейшего Синода. В эти же годы началась знаменитая переписка отца Феофана с княгиней П. С. Лукомской, в результате которой появились «Письма о христианской жизни».

Находясь за границей, архимандрит Феофан завершил изучение греческого языка, блестящее знание которого он проявил в своей последующей переводческой деятельности. На православном Востоке он собрал много драгоценных жемчужин святоотеческой и, главным образом, аскетической письменности.

17 апреля 1857 г. архимандрит Феофан был награжден орденом Святой Анны 2-й степени.

5. Деятельность на посту ректора С.-Петербургской Духовной Академии

Вскоре перед архимандритом Феофаном открылось новое поприще служения Святой Церкви. 1 мая 1857 г. ректор С.-Петербургской Духовной Академии епископ Винницкий Макарий (Булгаков) был перемещен на Тамбовскую кафедру, и 13 мая того же года указом Святейшего Синода архимандрит Феофан назначается на должность ректора этой Академии⁹⁵. По примеру своего предшественника, епископа Макария, он принял и должность профессора по кафедре догматического богословия, но, ввиду огромной занятости, в мае 1858 г., он вынужден был отказаться от этой должности. Кроме административных и других забот по ректорской линии, архимандрит Феофан исполнял обязанности блюстителя преподавания Закона Божия в светских учебных заведениях столицы и ее окрестностей, председательствовал в учрежденном при Академии Комитете по изданию византийских историков в русском переводе, а с 1858 г., когда было официально возобновлено дело перевода Библии на русский язык, стал председателем учрежденного при Академии Комитета по этому делу. Одновременно он был редактором журнала «Христианское чтение».

Как ректор, архимандрит Феофан посещал лекции профессоров, присутствовал на экзаменах, следил за ходом учебного дела в Академии. Особое внимание он обращал на воспитательную работу; по выражению одного его биографа, «он был руководителем и отцом академических студентов и обращался с ними как отец с своими детьми»⁹⁶. Архимандрит Феофан заботился о насаждении в юных умах доброго, истинно христианского направления. Будучи прекрасным психологом и наблюдателем религиозно-нравственной жизни, он любил беседовать со студентами на темы христианской психологии, и эти беседы о душе, о ее высших стремлениях и их практическом осуществлении очень нравились юным слушателям и оказывали на них сильное благотворное влияние. Частые беседы, простота и доступность в обращении способствовали тому, что питомцы Академии доверяли своему ректору и свободно обращались к нему со всеми своими нуждами и недоумениями⁹⁷. Из письменных работ студентов ректор особо выделял проповеди и советовал со вниманием и любовью заниматься этим первым делом пастырства. Он рекомендовал студентам читать святоотеческие творения и проповеди лучших современных проповедников с целью подражания им.

На посту ректора С.-Петербургской Духовной Академии архимандрит Феофан усиленно занимался также редакторской и богословско-популяризаторской работой. Свои сочинения отец Феофан публиковал главным образом в академическом журнале «Христианское чтение».

Не менее обширной была его официальная деятельность по приему гостей Академии: видных ученых и знатных особ; ему приходилось беседовать с ними, обстоятельно отвечать на их вопросы и тем поддерживать высокий авторитет Академии.

Время ректорства архимандрита Феофана совпало с празднованием 50-летия С.-Петербургской Духовной Академии. Для проведения юбилейных торжеств ректору пришлось понести много трудов. «Торжество 50-летия Академии, — писал отец Феофан. — Звон уже подался, хоть не во все колокола, а пока только в глухое било. Что будет, а затем велики, — и сборник издать, и денег на премию собрать»⁹⁸. Юбилей был торжественно отпразднован 17 февраля 1859 г. Накануне в академическом храме совершена была всенощная и после нее панихида с возгласнением «Вечной памяти» благоустроителям Академии, приснопамятным митрополитам С.-Петербургским, а также всем почившим начальствующим, наставникам и студентам Академии⁹⁹. В самый день юбилея, в 10 часов утра, Божественную литургию в академическом храме совершил первенствующий член Святейшего Синода митрополит Григорий. Проповедь произнес ректор Академии архимандрит Феофан. В этой проповеди, замечательной по глубине мысли и по стилю, отец ректор определил задачи настоящих и будущих пастырей соответственно потребностям времени, наметил цель будущей деятельности Академии как рассадника, приготавливающего не только пастырей, но их наставников. По окончании богослужения все присутствующие перешли в Актовый зал. Секретарь конференции ординарный профессор Е. И. Ловягин огласил указ Святейшего Синода на имя митрополита Григория о наградах по случаю юбилея. Ректор Академии архимандрит Феофан «в ознаменование празднования пятидесятилетия Академии награжден за отлично-ревностную и полезную службу знаком ордена святого Владимира 3-й степени»¹⁰⁰. На торжественном акте профессор И. А. Чистович прочитал историческую справку об Академии за прошедшее пятидесятилетие, а профессор В. Н. Карпов произнес доклад о направлении и цели духовного образования и об участии в нем С.-Петербургской Духовной Академии. Скромно и задумчиво прошло юбилейное торжество¹⁰¹.

Недолго после этого отцу Феофану пришлось быть ректором. Всеблатому Промыслу Божию угодно было возвести его в сан епископа, «да будет всем ищущим спасения светильником горящим и светящим»¹⁰².

III. АРХИПАСТЫРСКИЕ ТРУДЫ НА ТАМБОВСКОЙ И ВЛАДИМИРСКОЙ КАФЕДРАХ

1. Служение на Тамбовской кафедре

29 мая 1859 г. архимандриту Феофану (Говорову) «высочайше повелено быть епископом Тамбовским и Шацким»¹⁰³. В этот день состоялось наречение его во епископа Тамбовского и Шацкого. При наречении, после торжественного исповедания веры, архимандрит Феофан произнес речь. Сравнив в ней свою странническую жизнь, полную разнообразной деятельности, с шаром, без треска и шума катящимся по направлению сообщаемых ему ударов, отец Феофан выразил свою покорность воле Божией, свое смирение и недостойнство. Обращаясь к архипастырям, он поведал, что имеет тайное желание высших подвигов добродетели. «Не скрываю, — сказал отец Феофан, — что не чуждо было бы тайным желанием сердца, если бы на мою долю выпало такое место, где бы я свободно мог предаться занятиям по сердцу»¹⁰⁴. 1 июня в Троицком соборе Александро-Невской Лавры митрополитом С.-Петербургским Григорием, архиепископом Черниговским Филаретом, епископом Тверским Феофаном и епископом Ревельским Агафангелом была совершена епископская хиротония архимандрита Феофана.

Вскоре после хиротонии епископ Феофан отправился в Тамбов, к месту своего архипастырского служения. Предшественник его на Тамбовской кафедре, епископ Макарий (Булгаков), прощаясь с паствою, сказал: «Я слышал, что вместо меня назначен сюда нынешний архимандрит Феофан, человек прекрасной души. Это замечательный человек, особенно как проповедник; когда он к вам придет, то вы очень скоро забудете меня»¹⁰⁵. 5 июля 1859 г., в день памяти великого подвижника Русской Церкви — преподобного Сергия Радонежского, святитель Феофан вступил в управление своей епархией. В кафедральном соборе г. Тамбова после приветствия и пожелания «всякого блага душевного и телесного» Преосвященный Феофан разъяснил пастве, какие в дальнейшем должны быть у них взаимоотношения. «Мы уже не чужие друг другу, — говорил он. — В час наречения, еще не ведая вас, я уже вступил в общение с вами, дав обет Богу и Святой Церкви вам принадлежать заботою, трудами и даже своею жизнью. Равным образом и вы должны определить себе на внимание и, в нужном случае, на послушание моему немощному слову и делу по вере в любви. С сей минуты у нас добро и зло общи. В этом довольно, кажется, побуждения к тому, чтобы ходить нам друг пред другом, как пред лицом Бога, и во взаимном друг другу содействии со страхом и трепетом содевать свое спасение»¹⁰⁶. Много забот, трудов, разного рода препятствий, даже огорчений ожидало Преосвященного Феофана на его новом месте. Тамбовская епархия была одной из самых обширных и многолюдных. В ней одного белого духовенства в то время было более двух тысяч человек. Кроме того, было несколько сот монашествующих в мужских и женских монастырях, а среди населения много было сектантов и раскольников¹⁰⁷.

Служение Преосвященного Феофана в Тамбовской епархии продолжалось только четыре года. Но за это короткое время благодаря необыкновенной кротости своего характера, редкой деликатности и участливому вниманию к нуждам пасомых он успел сродниться со своей паствой и приобрести всеобщую самую искреннюю любовь. Святитель Феофан проявил себя ревностным деятелем во всех сферах церковной жизни. Внимание его было сосредоточено не столько на делах внешнего управления, сколько на душепопечительном служении, дабы «множайший плод принести во спасение Богом вверенных ему людей»¹⁰⁸. Это был истинный архиерей Божий, истинный евангельский пастырь, способный положить душу за овец своих. Крепкими, неразрывными узами соединен был он с паствою, считал себя нравственно ответственным за нее и потому всю жизнь отдавал духовному ее окормлению. «Для нас, пастырей, — говорил он, — не может быть большего утешения, как видеть сынов Церкви исправно ходящими. Но и для вас самих не может быть более прочного основания состоянию, могущему составить неложную радость, как хранение веры и устроение жизни соответственно требованиям ее»¹⁰⁹.

Придавая большое значение слову Божию в деле религиозно-нравственного просвещения народа, Преосвященный Феофан почти каждое богослужение сопровождал проповедью. Главную часть проповеднического слова епископа Феофана составляет нравоучение и назидание, важнейшим предметом которого является вопрос о путях к нравственному совершенству. Святитель ведет иногда целый ряд систематических бесед по этому предмету, а чаще раскрывает его по частям, применительно к жизненным обстоятельствам и духовным нуждам паствы.

Проповеди Преосвященного Феофана при его красноречии, ясности, живости и простоте изложения, при его опытным знакомстве с духовной жизнью и потребностями человека, при его обширных познаниях Священного Писания и святоотеческих творений производили на слушателей чрезвычайно сильное впечатление. Они «настолько овладевали вниманием слушателей, что в храме водворялась мертвая тишина, вследствие чего даже его слабый голос был слышен в самых отдаленных углах храма»¹¹⁰. Ясность и глубина этих проповедей, по выражению одного исследователя, «указывают на личные особенности автора как богослова. В них точные формулировки, ясно развиваемые мысли свидетельствуют о выдающемся таланте Феофана как проповедника»¹¹¹.

Архипастырь побуждал и приходских священников говорить проповеди, при всяком удобном случае старался убедить их, что проповедничество есть их первый, прямой и священный долг, что оно должно стать и их внутренней потребностью. Святитель строго следил за проповеднической деятельностью священников. Ревностных проповедников он поощрял — выносил им благодарность, преподавал им свое архипастырское благословение, представлял к наградам, нерадивых же в этом деле подвергал штрафам и другим наказаниям.

Епископ Феофан весьма часто призывал духовенство к неопустительному проповеданию слова Божия в своих устных наставлениях, издавал официальные распоряжения в виде указов¹¹² и инструкций, посылал частные письма, писал гомилетические пособия и, наконец, усердно молился о ниспослании пастырям учительного дара. Чтобы научить малоопытных священников составлять и произносить проповеди, святитель опубликовал в «Тамбовских епархиальных ведомостях» гомилетический трактат под заглавием «Как составить проповедь», где указывались отличительные черты проповеди от других богословских произведений, ее характер, цель, свойства, рекомендовались правила и наилучшие средства к составлению проповеди. Собственный пример неустанного, ревностного проповедания святителя Феофана и все принятые им меры к совершенствованию церковного учительства среди духовенства оказали самое благоприятное влияние на уровень нравственного состояния пастыри и принесли обильные плоды. Предметом особых забот епископа Феофана были духовно-учебные заведения епархии. Нередко посещал он Тамбовскую Духовную Семинарию. «Святитель Феофан присутствовал на наших экзаменах, — вспоминает И. И. Дубасов, — и вел все дело сам, задавая вопросы и задачи, устные и письменные. При этом ясно обнаруживалось, что он весьма силен не только в излюбленных им богословских науках, но и в мирских»¹¹³. Он побуждал воспитанников с любовью и старанием заниматься изучением слова Божия и творений святых отцов. Заботился Преосвященный Феофан и о внешнем благоустройстве духовно-учебных заведений. Так, он побудил начальство Тамбовской Семинарии произвести капитальный ремонт семинарского храма, который имел убогий внешний вид. 23 сентября 1862 г. епископ Феофан сам торжественно освятил обновленный храм¹¹⁴.

Для того, чтобы духовенство имело добрую почву, на которую могло с пользой сеять семя слова Божия, Тамбовский архипастырь должен был позаботиться и о повышении уровня духовного образования самой пастыри. С этой целью он с первых же лет своего архипастырства начал изыскивать различные способы просвещения простого народа. В первую очередь было открыто при нем много церковно-приходских школ¹¹⁵. Святитель весьма поощрял и священников, открывавших школы при церквях, а также мещан, жертвовавших на строительство школ и возведение церквей. В 1862 г. он издал особое распоряжение, касающееся правил для сельских церковно-приходских школ. Согласно этим правилам, заведующими и главными преподавателями церковно-приходских школ должны быть местные приходские священники¹¹⁶. В дополнение к церковно-приходским школам духовенство по призыву епископа Феофана открыло в селах также частные школы грамотности¹¹⁷. Священникам в этих школах помогали дьячки и пономари, а иногда и прихожане. Наряду с этими школами при содействии Преосвященного Феофана в Тамбовской епархии начали открываться в городах и больших селах так называемые воскресные школы, в которых обучались грамоте, письму, закону Божию и арифметике не только дети, но и взрослые. Епископ Феофан заботился также об устройении и благолепии храмов Божиих — «этих древнейших и наилучших училищ духовного просвещения»¹¹⁸.

Затем Преосвященный Феофан задумал открыть училище для девиц из духовного сословия, чтобы они приносили пользу и своим родным, и делу народного образования. Для осуществления этой мысли он приложил все свое истинно отеческое попечение и архипастырское влияние. Епископ Феофан сам составил устав для женского епархиального училища с шестилетним сроком обучения. 6 августа 1863 года он послал в Святейший Синод рапорт о разрешении открытия этого училища. Синод своим указом благословил открыть его, однако само открытие состоялось уже после перевода епископа Феофана из Тамбова во Владимир¹¹⁹.

Епископ Феофан заботился о повышении образования и самого духовенства. По его ходатайству перед Святейшим Синодом с 1 июля 1861 года при Тамбовской Духовной Семинарии стали издаваться «Тамбовские епархиальные ведомости» (две книжки в месяц). Преосвященный Феофан внимательно следил за епархиальным печатным органом, помещая в

каждом номере его не менее двух проповедей: одна проповедь была святоотеческая, а другая — произнесенная им самим или кем-либо из тамбовских пастырей. Здесь же печатались изречения старцев-подвижников и поучительные случаи из их жизни¹²⁰. В качестве одного из ярких примеров истинно пастырского и проповеднического служения в «Ведомостях» было опубликовано известное описание жизни и церковной деятельности святителя Тихона Задонского по запискам келейника последнего — И. Чеботарева, а для начинающих проповедников епископ Феофан напечатал свой гомилетический трактат под названием «Как составить проповедь»¹²¹. Тамбовский церковный печатный орган содействовал также пробуждению литературных стремлений в местном духовенстве¹²².

Труды святителя Феофана были неустанные, заботливость о пастве и делах епархиально-го управления — истинно отеческая; разрываемое любовью к пастве и ревностью о славе Божией, архипастырское попечение его простиралось на всех и на все, подлежащее его ведению. «Поистине, он весь принадлежал своей пастве, ее благу и спасению, для себя лично, для отдыха оставляя изумительно мало времени»¹²³. За четыре года его пребывания в Тамбове все духовно сроднились с ним, как со своим отцом; он заслуженно пользовался всеобщей любовью.

У святителя было немало забот и о благоустройстве монастырей. Особенно много пришлось ему хлопотать относительно Дивеевского женского монастыря, где в то время произошли большие беспорядки.

Дивеевский женский монастырь был основан преподобным Серафимом Саровским. Этот монастырь принадлежал Нижегородской епархии, но по месту и по внутреннему своему устройству имел ближайшее отношение к Саровской обители, находившейся в юрисдикции Тамбовского архиепископа. Зачинщиком беспорядков, возникших в Дивеевском монастыре в конце 40-х — начале 50-х годов прошлого столетия, был служивший там иеромонах Иоасаф. Считая себя учеником преподобного Серафима и продолжателем его дела в отношении Дивеевской обители, он начал по своему произволу действовать и распоряжаться в ней, преследуя больше свои интересы, чем интересы монастыря. Его неблагоприятные и иногда незаконные действия в некоторых отношениях были даже вредны для нравственности сестер этой обители. Крайнее своеволие он проявил при происходивших тогда в монастыре выборах новой игуменнии. Ему не нравилась избранная большинством сестер монахиня Елизавета Ушакова, и он старался поставить игуменней Гликерию Лодыженскую. Чтобы достигнуть цели, иеромонах Иоасаф привлек на свою сторону Нижегородского епископа Нектария, который находился под его влиянием и даже имел его своим духовником¹²⁴. Это-то дело в связи с другими обстоятельствами и произвело беспорядки в обители, длившиеся довольно долго. Дело о Дивеевских беспорядках дошло до Святейшего Синода, который поручил решить его митрополиту Московскому Филарету. Последний отстранил иеромонаха Иоасафа от служения и Гликерию Лодыженскую от начальствования в Дивеевской обители, а саму обитель изъял на несколько месяцев из ведения Нижегородского епископа и передал Преосвященному Феофану. Синод поддержал эти меры. «Дивеевское дело» принесло много огорчений епископу Феофану. Когда Дивеевский монастырь был передан в его ведение, то все свои заботы и усилия он употребил для того, чтобы прекратить продолжавшиеся в обители волнения и восстановить в ней порядок. Прежде всего, святитель позаботился о законном избрании новой игуменнии, и большинством голосов была избрана монахиня Елизавета Ушакова, которая была утверждена в этой должности Святейшим Синодом. Вследствие беспорядков монастырь оказался в тяжелом материальном положении, и Преосвященный Феофан позаботился об удовлетворении его нужд¹²⁵.

Чиста и возвышенна была и частная, домашняя жизнь Святителя. По воспоминаниям одного из его родственников, епископ Феофан, служа в Тамбове, вел очень простой образ жизни. Ежедневной обычной одеждой его были подрясник и ряса из черной недорогой шерстяной материи¹²⁶. Пища у него была самой невзыскательной, вкусал он очень мало, никогда не ужинал. Весь день Святитель проводил в молитве, но находил время и для научно-литературной работы. К этому периоду принадлежит его «Письма о христианской жизни», вышедшие в свет в четырех выпусках в 1860 г. в Петербурге.

Редкие минуты досуга епископа Феофана наполнялись рукоделием — столярной работой. Только на короткое время он выходил на прогулку в сад при архиерейском доме, летом изредка позволял себе прокатиться в коляске, запреженной лошадыю. Святитель горячо любил природу, восхищался ее красотой и во всем устройстве ее видел следы премудрости Творца. Особенно интересовался он астрономией и почти каждый летний вечер, в ясную погоду, производил наблюдения за небесными светилами с помощью большого телескопа. «„Небеса поведают славу Божию» — обычно слышалось тогда из уст астронома, умиленного созерцанием величия и красоты необъятного Божьего мира»¹²⁷.

Привлекала людей к епископу Феофану и его простота, его умение по-отечески общаться со всеми. Ласковый и приветливый, он с любым человеком, какого бы сана, положения, возраста тот ни был, всегда обращался любезно, с искренней о всех благопопечительностью, со смиреннием и кротостью, с примерным терпением и благодушием¹²⁸. Никто никогда не слышал от святителя Феофана грозного слова начальника. Его обычная кротость не нарушалась

даже и тогда, когда ему приходилось терпеть оскорбления со стороны низших чинов клира. Доверие Преподобного Феофана к людям и, в частности, к подчиненным было безгранично. По своей нравственной деликатности и благородству души он боялся оскорбить человека даже каким-либо намеком на подозрение или недоверие к нему.

Летом 1860 г. Тамбовскую губернию постигла страшная засуха, а осенью начались пожары в самом Тамбове и в уездных городах и селениях. Все жители Тамбова из опасения новых пожаров и из-за боязни действий злоумышленников-поджигателей ушли из своих домов, некоторые поселились на площадях, а многие выехали за город. В уездном городе Борисоглебске четырьмя пожарами была истреблена половина домов. В эти трудные для епархии времена святитель Феофан явился истинным ангелом-утешителем своей паствы и вещим истолкователем воли Божией, проявившейся в народных бедствиях. Не ограничиваясь Тамбовом, он посетил и значительную часть губернии, пострадавшую от пожаров, словом назидания и утешения вливая целительный бальзам в удрученные скорбью души. В годину столь тяжкого общественного бедствия Преподобный Феофан поддерживал свою паству не только утешительным словом, но и делом. Из своих личных средств он оказывал значительную материальную помощь пострадавшим от пожаров, особенно он помог вдовам и сиротам из семей бедного духовенства. Свою квартиру и все свободные помещения архиерейского подворья он предоставил в полное распоряжение погорельцев, а сам поселился в загородном доме.

Во время пребывания на Тамбовской кафедре у епископа Феофана окончательно преобладала склонность к уединению. В одну из поездок с целью обозрения храмов и монастырей епархии он посетил Вышенскую пустынь, которая нравилась ему строгим иноческим уставом и красотой местности, «которой нет ничего на свете лучше»¹²⁹. Назначая туда настоятелем эконома архиерейского дома игумена Аркадия, Владыка на прощанье сказал ему пророчески: «Поезжайте, отец игумен, туда, а там, Бог даст, и я приеду к вам»¹³⁰.

Период жизни епископа Феофана в Тамбове был отмечен и радостными событиями, доставившими ему великое духовное утешение. Так, при его непосредственном участии было совершено открытие мощей святителя Тихона Задонского, которого издавна глубоко почитал епископ Феофан. Произошло это в день памяти блаженной кончины Задонского Святителя — 13 августа 1861 г. Для участия в торжестве Святейший Синод направил первенствующего члена Синода митрополита Новгородского и С.-Петербургского Исидора, архиепископа Воронежского и Задонского Иосифа и епископа Курского и Белгородского Сергия. Затем, по особому «высочайшему повелению», к ним был присоединен и Преподобный Феофан¹³¹. Для участия в торжестве прибыло свыше 300 человек духовенства и около 250 тысяч мирян всех званий и возрастов. «Невозможно описать радости Преподобного Феофана по этому случаю! — пишет бывший тогда в Задонске его племянник А. Г. Говоров. — Он часто говорил мне, что еще с ранней юности он глубоко чтит память святителя Тихона и ходил со своей родины в город Задонск пешком на поклонение Святителю»¹³². Участие епископа Феофана в торжестве открытия мощей новоявленного чудотворца-святителя «послужило как бы особым благодатным освящением его собственного святительского служения»¹³³, которое затем, по возвращении к своей пастве, он продолжал с еще большей ревностью.

Но недолго Тамбовской пастве довелось находиться под духовным окормлением Преподобного Феофана. 22 июля 1863 года он получил известие от Святейшего Синода о перемещении на древнюю Владимирскую кафедру. В синодальном докладе было сказано, что Преподобный Феофан «настоящим своим служением снискал потребную опытность для управления столь обширную паствою»¹³⁴.

С тихой скорбью и покорностью воле Божией святитель стал мало-помалу готовить паству и себя самого к разлуке. Частые священнослужения и проповеди были ему истинной отрадой в предстоящем расставании. 16 августа признательное духовенство устроило епископу Феофану прощальный обед, на котором вместе с духовенством присутствовали знатные и уважаемые граждане Тамбова. На этой последней «вечери любви», как выразился в краткой речи один из священников, в собственном смысле было «вечеряние учеников с учителями, детей с отцом, пастырей с архипастырем»¹³⁵. В обращенных к святителю словах тамбовское духовенство благодарило его за ревностные труды и отеческие заботы об епархии. 18 августа 1863 года епископ Феофан совершил последнюю службу. Это был день его разлуки, прощания с Тамбовской паствой. Святитель произнес прощальное, истинно апостольское по духу и содержанию слово к оставляемой пастве¹³⁶. Сам отъезд Преподобного Феофана состоялся 22 августа. После литургии духовенством был совершен молебен о благополучном путешествии архипастыря. Святитель Феофан, оплакиваемый искренне любившей его паствой¹³⁷ и напуганный благопожеланиями, отбыл из Тамбова на новое, еще более обширное поприще служения.

2. Деятельность на Владимирской кафедре

В конце августа 1863 г. епископ Феофан прибыл во Владимир и 1 сентября вступил в духовное общение со своей новой паствой через проповедь, произнесенную после литургии.

Он призвал верующих владимирцев постоянно хранить в себе дух мира и любви, твердо держаться основных начал веры и жизни христианской, неуклонно идти «царским путем, указанным Святой Православной Церковью, которая есть столп и утверждение истины»¹³⁸, и избегать всевозможных прельщений и лжеучений. Со своей стороны епископ Феофан обещал неуклонно следовать началам истинной веры и благочестия, первым долгом считая проповедание слова Божия. Своей вступительной речью Святитель как бы начертил программу для предстоящей многотрудной архипастырской деятельности на Владимирской кафедре, и он до конца остался верен этой программе.

Служение Преосвященного Феофана на новом месте было еще разнообразнее и плодотворнее, чем на Тамбовской кафедре.

По статистическим сведениям за 1864 год, собранным Владимирской духовной консисторией, во Владимирской епархии было 20 мужских монастырей, в которых проживало 467 монахов, и 8 женских монастырей с 659 монахинями, 1152 церкви, 270 училищ, учрежденных духовенством¹³⁹. В то же время Владимирская епархия была средоточием раскола; скрываясь из Москвы от преследований правительства, раскольники находили здесь пристанище и немало последователей. Но, полагаясь во всем на волю Божию, новый архипастырь с первых же дней своего служения явился ревностным поборником и учителем истинного благочестия. Спасение вверенных ему душ через написание, посредством проповеди слова Божия, было главной повседневной заботой епископа Феофана. Он неопустительно поучал народ, «обходя грады и веси обширной миллионной паствы своей»¹⁴⁰. Как бы предчувствуя непродолжительность пребывания здесь, святитель Феофан проповедью слова Божия торопился привести к Господу возможно большее число спасенных душ. За трехлетний период пребывания на Владимирской кафедре он произнес 138 проповедей — гораздо больше, нежели в Тамбовской епархии. По свидетельству современников, проповеди Преосвященного Феофана производили сильное впечатление и привлекали массу народа.

Чтобы упорядочить и усилить проповедническую деятельность приходских священников, епископ Феофан 27 ноября 1864 года издал «Инструкцию для проповедания слова Божия», которая и была напечатана во «Владимирских епархиальных ведомостях» за 1865 г.¹⁴¹. По отзыву одного из владимирских священников, «циркуляр этот, как заботливый голос верного долгу архипастыря, заставил многих усиленнее взяться за проповедничество»¹⁴². С той же целью развития проповедничества Преосвященный Феофан побуждал местных священников писать по этому предмету статьи и публиковать их во «Владимирских ведомостях». В качестве образцов для составления проповедей священниками святитель помещал во «Владимирских епархиальных ведомостях» как свои, так и лучшие проповеди местных священников¹⁴³. Кроме того, он распорядился составить сборник поучений святых отцов¹⁴⁴, преимущественно св. Иоанна Златоуста, св. Тихона Задонского и св. Дмитрия Ростовского.

Преосвященный Феофан с неослабевающим вниманием следил за нравственной жизнью и духовными нуждами своей паствы и с истинно отеческой любовью и предупредительностью всегда стремился удовлетворить их. Он видел, что Владимирская епархия весьма нуждалась в православном миссионерстве: в ней было много мест, населенных раскольниками. Нередки были случаи явной пропаганды сектантами своего учения с совращением православных, особенно среди простого народа. Поэтому Святитель вынужден был вести упорную борьбу с расколом. Он неоднократно обращался к пастве по этому вопросу с церковной кафедры в самом Владимире, предпринимал путешествия в раскольничьи центры епархии, где также произнес целый ряд поучений, в которых в самой простой и доступной форме раскрывал полную несостоятельность раскола как с исторической точки зрения, так и по существу его вероучения.

К активному участию в деле искоренения раскола святитель призывал и местное духовенство. Он обязывал священников особенно усиленно проповедовать слово Божие в местах, населенных раскольниками, вести с ними беседы, выявляющие ложность их учения и истинность учения православного, тем самым приводить их в лоно Святой Церкви, всячески предохранять православных от раскольнической пропаганды и убеждать их твердо стоять в Православии. Ревностных борцов с расколом епископ Феофан всячески поощрял и награждал¹⁴⁵.

В 1864 г. святитель послал иеромонаха Моисея в Москву для сверки старопечатных книг. В том же году в селе Мстера Вязниковского уезда епископ Феофан, с разрешения Святейшего Синода, учреждает Богоявленское православное братство¹⁴⁶ с целью «служить нуждам и пользе Православной Церкви, противодействовать посягательствам на ее права со стороны иноверцев и раскольников, для созидания и украшения храмов Божиих, для дел христианской благотворительности и для распространения и утверждения духовного просвещения»¹⁴⁷. Преосвященный Феофан был выбран почетным попечителем братства. Он наблюдал и руководил ходом всех его дел, воодушевлял членов братства письмами, способствовал укреплению его финансового фонда денежными пожертвованиями, направил туда из архиерейского дома миссионера Иоанна Успенского, опытного в борьбе с расколом. Благодаря всем этим мерам деятельность Богоявленского братства в Мстере скоро стала иметь большой успех¹⁴⁸.

Однако предметом самых усердных забот епископа Феофана явились церковноприход-

ские школы и другие духовно-учебные заведения епархии. Он закончил начатую его предшественником, епископом Иустином, постройку общежития для воспитанников Владимирской Духовной Семинарии и 3 ноября 1863 года открыл его и освятил.

До епископа Феофана во Владимире не было училища для девиц духовного сословия. Преосвященный Феофан стал усердно ходатайствовать перед Святейшим Синодом об открытии такого училища. В начале 1865 г. его ходатайство было удовлетворено, и 11 февраля епископ Феофан совершил открытие училища с освящением церкви в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы¹⁴⁹.

При святителе Феофане значительно активизировались строительство, ремонт и благоустройство храмов епархии. Его личными заботами был устроен храм во имя Рождества Христова при архиерейском доме вместо прежнего, пришедшего в ветхость. Благодаря его стараниям и усердию попечителей Крестовая церковь была заново переделана и стала много обширнее и светлее¹⁵⁰.

Непродолжительно было служение епископа Феофана во Владимире, но и здесь он проявил себя ревностным архипастырем и успел заслужить всеобщее уважение и любовь. За усердную и плодотворную архипастырскую деятельность во благо Святой Церкви епископ Феофан был награжден 19 апреля 1864 года орденом святой Анны 1-й степени¹⁵¹.

Обыденная жизнь святителя Феофана во Владимире и его отношение к подчиненному духовенству и мирянам были такие же, что и в Тамбове. Один из современников святителя — преподаватель Владимирской Духовной Семинарии — писал: «Преосвященный Феофан жил как истинный архиерей Божий, хорошо помня богомудрое апостольское слово Павлово, «не высокоумствующе, но смиренно ведущеся» (Рим. 12, 16). Благодушие, ласка и приветливость не сходили с его уст. Идя к нему для какого-либо объяснения, мог быть уверен всякий, даже положительно виновный человек, что ни одного жестокого, а тем более грубого или заносчивого слова не дозволит себе этот мудрый и самообладающий судия-святитель»¹⁵². Принимал он свободно всех и каждого, не удалялся от людей, был общителен.

Но с течением времени в поведении епископа Феофана стали замечаться некоторые перемены: «Он стал часто уединяться для молитвы и богомыслия, книг почти не выпускал из рук, чаще стал совершать прогулки за город»¹⁵³. В нем все более и более усиливалось стремление к высоко нравственной жизни. Кроме того, у него было сильное желание уединения, покоя и тишины, желание предаться трудам духовного писательства и тем послужить Святой Церкви и спасению ближних, но исполнению этого желания препятствовала обширная практическая деятельность. В качестве епархиального архиерея он был обязан заниматься и такими делами, которые вовсе были несродны его характеру и которые часто нарушали его высокое духовное настроение, доставляли скорбь его любвеобильному сердцу.

Как уже было сказано, с юных лет епископ Феофан стремился к уединению и идеал монашества видел в совершенном отрешении от мира и всех житейских забот. И вот теперь, после двадцатипятилетнего служения Церкви на различных поприщах, епископ Феофан нашел благовременным осуществить свое всегдашнее стремление. Ухудшение здоровья, а также неприятности в епархиальной деятельности способствовали тому, что желание уединиться от управления Владимирской епархией у епископа Феофана стало приближаться к оформленному решению. Посоветовавшись со своим давним духовным руководителем митрополитом Исидором, он 12 марта 1866 г. в день памяти преп. Феофана Сигрианского, своего небесного покровителя, после Божественной литургии подал прошение в Святейший Синод об увольнении его на покой с правом пребывания в Вышенской пустыни Тамбовской губернии. В то время ему шел 52 год. В этом решительном шаге — оставить кафедру и удалиться в монастырь — он, очевидно, подражал святителю Тихону Задонскому, который после трехлетнего управления Воронежской епархией поселился в Задонске для богомыслия и монашеских подвигов.

Прошением епископа Феофана были удивлены многие высшие иерархи Русской Церкви и со своими недоумениями по этому поводу обращались к нему письменно, как, например, Филарет, митрополит Московский, и Исидор, митрополит С.-Петербургский. Митрополит Филарет сначала осуждал епископа Феофана за его желание удалиться на покой, но потом, когда узнал истинную причину, успокоился и одобрил его решение. Митрополит Исидор тоже первоначально отозвался неодобрительно. Узнав о прошении епископа Феофана, он писал ему 26 апреля 1866 г.: «Если верить слуху, что вы просите увольнения на покой только для покоя, то я сомневаюсь, чтобы Святейший Синод удовлетворил просьбу. Кто бы из нас не желал спокойствия, особенно в нынешнее многозаботливое и трудное время! Но надо же кому-нибудь трудиться и для других, хотя бы и со скорбью, и воздыхающе»¹⁵⁴.

Но не желанием покоя влекли к себе сердце святителя Феофана тихие монастырские стены — они звали его на новый духовный подвиг. «Я ишу покоя, — писал он митрополиту Исидору, — чтобы покойнее предаться занятиям желаемым, с тем непрерывным намерением, чтобы был и плод трудов, не бесполезный и не ненужный для Церкви Божией. Имею мысли служить Церкви Божией, только иным образом служить»¹⁵⁵. Так понимал святитель Феофан свой покой. Он стремился к покою, полному великих трудов и подвигов. Он для того удалялся от мира,

чтобы с высоты своей подвижнической жизни яснее видеть насущные нужды и недуги современного ему общества и по возможности полнее оказывать ему необходимую помощь.

17 июля 1866 г. епископ Феофан был освобожден от управления Владимирской епархией с назначением настоятелем Вышенской пустыни, а на Владимирскую кафедру перемещен архиепископ Волынский Антоний (Павлинский)¹⁵⁶.

24 июля 1866 г., в день памяти святого Иоанна Крестителя, состоялось прощание Архипастыря со своею паствою. Тогда-то ясно обнаружилось, какою великою любовью пользовался святитель Феофан в своей епархии. В этот день он совершил последнюю литургию. «В 9 часов утра, — писал протоиерей Н. И. Флоринский, — на обычный благовест к поздней литургии владимирцы начали стекаться в величественный собор Успенский в большом многолюдстве. Все знали, что идет в последний раз видеть и слышать Архипастыря любимого, и поэтому все шли с грустным настроением сердца»¹⁵⁷. По свидетельству очевидца, многие из предстоящих в храме «обливались слезами, ибо сознавали, что уже никогда не увидят дорогого им пастыря»¹⁵⁸.

Преосвященный Феофан произнес замечательное слово-завещание, в котором сказал: «Не пеняйте на меня, Господа ради, что оставляю вас. Отхожу не ради того, что вынужден был оставить вас. Ваша доброта не допустила бы меня переменить вас на другую паству. Но, как ведомый, ведусь на свободное от забот пребывание, ища и чая лучшего, — как это сродно нашему естеству. Как это могло образоваться, не берусь объяснять. Одно скажу, что, кроме внешнего течения событий, определяющих на дела, есть внутренние изменения расположений, доводящих до известных решений; есть, кроме внешней необходимости, необходимость внутренняя, которой внемлет совесть и которой не сильно противоречит сердце. Находясь в таком положении, об одном прошу любовь вашу, оставя суждения и осуждения сделанного уже мною шага, усугубьте молитву вашу, да не отщепит Господь чаяния моего и дарует мне, хоть не без трудов, обрести искомое мною. А я буду молиться о вас, буду молиться, чтобы Господь всегда ниспосылал вам всякое благо, улучшал благосостояние и отвращал всякую беду, паче же, чтоб устроил ваше спасение. Спасайтесь, и спасайтесь о Господе. Лучшего пожелать вам не умею. Всё будет, когда спасены будете»¹⁵⁹.

Одушевлявшие владимирскую паству чувства вылились в прощальном слове протоиерея Н. И. Флоринского, произнесенном после окончания литургии и благодарственного молебна, в котором он говорил о высоких достоинствах епископа Феофана, о всеобщей любви к нему и выразил глубокую скорбь в связи с предстоящей разлукой с «бесценным архипастырем»¹⁶⁰. По просьбе владимирского духовенства епископ Феофан отслужил Божественную литургию в соборе еще раз, 27 июля. По окончании литургии и молебна все владимирское духовенство отправилось в покон Святителя, чтобы в последний раз проститься с ним. Кафедральный протоиерей Ф. М. Надеждин произнес прощальную речь. 28 июля, после того, как епископ Феофан отслужил в 6 часов утра напутственный молебен в своей домовой церкви, не менее сердечную речь сказал эконому архиерейского дома иеромонах Монсей. После молебна епископ Феофан отправился в Вышу, провожаемый из Владимира через Боголюбов монастырь, города Вязники и Муром, множеством духовенства и народа, принимая по пути приветствия и выражения сожаления в связи с его отъездом.

Удаляясь из мира в Вышенскую пустынь, епископ Феофан позаботился и о родственниках, которые находились на его попечении. Одно из своих племянников, А. Г. Говорова, он взял с собою в Вышу, а другого, студента И. А. Крутикова, окончившего Орловскую Духовную Семинарию, отправил в Московскую Духовную Академию, поручил его ректору Академии протоиерею Александру Горскому. В предпоследний день своего пребывания во Владимире Преосвященный Феофан написал ректору письмо, которое заключил словами: «Се отъезжаю, помолитесь обо мне»¹⁶¹. В это же время он написал прощальные письма и другим близким лицам, одним из которых был Е. В. Амфитеатов, профессор Московской Духовной Академии, сокурсник Архипастыря по Орловской Семинарии.

Святитель Феофан уехал в Вышу, чтобы там в тиши уединения гореть, наподобие свечи, непрестанной молитвой к Богу. «Подлинно, зная достоинства Преосвященного Феофана, которых в нем так много, — писал один из современников Святителя, — мы питаем самые искренние и задушевные надежды, что бывший наш архипастырь, и сошедши с престола святительского в давно любезное и желанное безмолвие о Господе, не останется без обильного плодоприношения от многих дарований своих естественных и благодатных в сокровищницу Святого Православия. Но как в древности св. Исаак Сирианин, а в недавнее время Тихон Задонский — оба, пребывая в безмолвии после трудов святительских, услаждали Церковь Христову драгоценными для нее навеки писаниями и сими трудами своими обессмертили в христианстве свою светлую память, которую прославил Сам дивный во святых своих Бог, — так да процветет в летописях дней Святой Церкви и возлюбленное имя Отшельника — иерарха нашего, donde облечется вечным бессмертием небесным от Отца светов»¹⁶².

С 1866 по 1894 г. святитель Феофан пребывал в Вышенской пустыни, но этот период его жизни должен быть освещен отдельно.

IV. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

Святитель Феофан в последние годы жизни чувствовал себя слабым; его мучили ревматизм в ногах¹⁶³, невралгия¹⁶⁴, сердечная аритмия¹⁶⁵ и головокружение¹⁶⁶, но он благодушно переносил эти немощи и старался успокоить своих друзей и почитателей. Особенно же его тяготила прогрессирующая слепота (катаракта), потому что с ней он мог лишиться возможности предаваться дорогим ему научно-литературным трудам. Ради снятия катаракты правого глаза епископ Феофан два раза решался на большую для него жертву — оставить любимое уединение в обители. В 1878 г. он ездил в Тамбов, а на следующий год — в Москву для совета с врачами. Не сняв катаракту ни в тот, ни в другой раз, из-за незрелости ее, Святитель уже не выезжал с Выши и лечился различными медикаментами.

В 1888 г. святитель Феофан перестал видеть правым глазом, вследствие помутнения хрусталика, и последние пять лет жизни мог видеть лишь одним глазом. По совету врачей он продолжал лечение левого глаза, но зрение неумолимо ослабевало. «Для продления деятельности одного оставшегося в действии глаза, — писал он, — дана заповедь — как можно меньше писать и читать, особенно при искусственном свете. Как ни трудно исполнить такую заповедь по нашим привычкам, однако же угрожающая впереди слепота заставляет собраться с силами к точному ее выполнению»¹⁶⁷.

Пустынные подвиги Святителя, при содействии Божественной благодати, постепенно сформировали его «в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова» (Еф. 4, 13). Тот высочайший момент бытия человеческого духа — состояние богообщения, которое епископ Феофан считал конечной целью земной жизни человека и о котором он с восторгом мечтал, теперь стал действительным актом его собственной духовной жизни. Он по справедливости мог сказать с апостолом: «Живу не ктому аз, но живет во мне Христос» (Еф. 2, 20). Та величайшая добродетель — бесстрашие, которую подвижник ставил на вершине лестницы возможных для человека совершенств, теперь сделалась отличительной чертой его нравственного состояния. Самоотверженная любовь к людям, которая видна из содержания обширной переписки Святителя, была в нем той особенной нравственной силой, которая влекла к нему современников и продолжает привлекать к его памяти и творениям последующие поколения христиан.

Прославляя Господа Иисуса Христа и защищая Его учение и Церковь своими творениями, епископ-затворник не менее прославил их своей подвижнической жизнью и сделался образцом веры и благочестия. Все Духовные Академии Русской Православной Церкви избрали святителя Феофана своим почетным членом¹⁶⁸. С.-Петербургская Духовная Академия еще в 1882 г., «в выражение глубокого уважения к неутомимой и многоплодной литературной деятельности Преосвященного Феофана в области православного нравственного богословия и истолкования Священного Писания»¹⁶⁹, избрала его своим почетным членом; а в январе 1890 г. «за его многочисленные и замечательные богословские сочинения»¹⁷⁰ возвела его в степень доктора богословия¹⁷¹.

Святитель Феофан в последние годы жизни, достигнув высокой степени духовного совершенства, готовился принять схиму и уже сам сшил себе схимническую одежду, но дни его земной жизни подходили к концу. Свеча жизни епископа-затворника постепенно догорала, и он, сознавая это, спокойно ждал смерти. «Умирать, — писал Святитель, — это не особенность какая. И ждать надо. Как бодрствующий днем ждет ночи, чтобы соснуть, так и живущим надо впереди видеть конец, чтобы опочить. Только даруй, Боже, почить о Господе, чтобы с Господом быть всегда»¹⁷².

Епископ Феофан еще за год предчувствовал свою кончину. В 1893 г. настоятель Вышенской пустыни архимандрит Аркадий, отправляясь по делам службы в Тамбов, зашел к Святителю, чтобы испросить у него напутственное благословение. Владыка, благословив архимандрита, сказал ему: «С Богом, съезди там на Три Лощины»¹⁷³, отслужи литургию по почившему епископу Виталию; а когда я умру, помолись там же и за меня». На это отец Аркадий ответил: «Я молюсь Богу, чтобы мне умереть раньше вас». «Ну, этого не будет, я скоро умру», — сказал епископ Феофан и просил исполнить его просьбу¹⁷⁴.

Епископ-затворник до последних дней не изменял порядка своей жизни и занятий, ежедневно совершая Божественную литургию в своей малой церковке, входя в таинственное общение со Христом Спасителем через причащение Святых Тайн. Только за пять дней до смерти, именно с 1 января 1894 г., его обычный режим несколько нарушился. Не всегда в определенный час давался условный знак о времени чая или обеда.

В самый день кончины епископ Феофан совершил, по обычаю, Божественную литургию и затем пил чай, но к обеду не давал условного знака долгие обыкновенного. Келейник заглянул в рабочий кабинет Святителя и, заметив, что он сидит и что-то пишет, не стал беспокоить его напоминанием. Через полчаса епископ Феофан подал условный знак, но за обедом съел лишь половину яйца и выпил полстакана молока. Не слыша стука к вечернему чаю, келейник снова заглянул в комнату Святителя в половине пятого и увидел его лежащим на кровати.

Келейник подумал сначала, что он лег отдохнуть, но все-таки подошел к кровати, предчувствуя нечто другое. И, действительно, он нашел епископа Феофана уже почившим навеки. Святитель имел вид спокойно спящего человека, причем левая рука его лежала на груди, а пальцы правой сложены как бы для архиерейского благословения¹⁷⁵. Смерть свою святитель Феофан встретил так же спокойно, как и ожидал ее; она последовала в день Крещения Господня, 6 января 1894 г.¹⁷⁶. При кончине Святителя никто не присутствовал¹⁷⁷. Всю жизнь он любил уединение и умер наедине с Богом, на служение Которому он себя посвятил, не дожив несколько дней до 79 лет. При облачении в святительские одежды на лице почившего явно для всех просияла улыбка. И исполнилось тогда мудрое, глубоко правдивое наблюдение подвижника над последними моментами земной жизни человека: «в час смерти в сознании чередой проходят деяния жизни, отражая в очах и лице умирающего или утешение, или сокрушение, соответственно представляющимся делам»¹⁷⁸. Очевидно, что Затворник, вся земная жизнь которого была непрестанным хождением пред Богом, имел упование не расставаться с Господом и скончался в надежде наследия блаженной жизни.

Как только стало известно о кончине чтимого всеми Святителя, в Вышенскую обитель хлынули потоки людей разных сословий, общественных положений, состояний и возрастов для отдания последнего долга почившему¹⁷⁹. Число богомольцев все увеличивалось и в день погребения достигло нескольких десятков тысяч¹⁸⁰.

Для совершения чина погребения почившего Святителя прибыл 11 января из Тамбова епископ Иероним. В самый день погребения, 12 января, им была совершена Божественная литургия. Ему сослужили настоятель пустыни архимандрит Аркадий, ключарь протоиерей М. Озеров и три иеромонаха. Во время литургии после запричастного стиха ректор Тамбовской Семинарии протоиерей П. Соколов сказал слово на текст: «Мне бо еже жити Христос: и еже умрети приобретение есть» (Флп. 1, 21). Проповедник ярко обрисовал благочестивую жизнь почившего, коснувшись при этом и фактов своего общения со Святителем, когда он был смотрителем Шацкого духовного училища¹⁸¹. Он охарактеризовал личность покойного как христианского подвижника и определил общественное значение его жизни и деятельности. Речь оратора была наполнена сердечной, неподдельной скорбью, которая объединяла всех стоявших в храме. И это было понятно. Ведь и проповедника, как и многих других, прощающихся теперь со своим Архипастырем, Господь сподобил приобщиться к богатой сокровищнице духовных даров почившего. Некогда в минуту тяжелого жизненного испытания оратор, по его словам, обращался к Вышенскому учителю за духовным наставлением и получал его. Разъясняя значение взятого им текста в применении к особенным избранныкам Божиим, каким был святой апостол Павел, отец протоиерей постоянно ссылался на жизнь почившего Святителя, приводя ее как пример истинной, достойной подражания жизни во Христе для всех и особенно для иноков Вышенской обители. Надгробная речь проповедника была закончена выражением упования на то, что почивший Святитель не покинул и не покинет молитвой своих духовных чад.

После заупокойной литургии епископ Иероним с большим собором священнослужителей совершил отпевание почившего Вышенского затворника¹⁸². При отпевании были два представителя от Московской Духовной Академии — студенты-священники С. И. Никольский и С. К. Вергин. На отпевании священник Симеон Никольский произнес глубоко прочувствованную речь. Взяв за основу слова Евангелия: «Чесо изыдоште в пустыню видети» (Мф. 11, 7), проповедник представил слушателям великие заслуги Святителя перед Церковью как подвижника и духовного писателя. «В нашей Московской Духовной Академии, — сказал он в заключение, — мы слышим лекции по пастырскому богословию и богословию нравственному, излагаемые под руководством писаний в Бозе почившего Архипастыря; слышим его слово в слове проповеди церковной в нашем академическом храме из уст наших священноначальников. И мы сами, ее воспитанники, находим в этих сочинениях источники, пособия, руководства в наших трудах, и назидание, и утешение в чтении их. И вот мы пришли сюда за сотни верст молитвенно поклониться пред гробом твоим, Святитель, учитель наш!»¹⁸³.

В 2 часа 30 мин. дня окончилось отпевание. Вынесли из храма гроб с телом Святителя, обнесли три раза вокруг Казанского собора с крестным ходом, снова внесли в собор и опустили в приготовленный в правом Владимирском приделе склеп¹⁸⁴. Над могилой почившего Святителя усердием настоятеля обители архимандрита Аркадия и почитателя памяти епископа Феофана было воздвигнуто великолепное надгробие из белого мрамора с изображением трех книг Святителя: 1) «Добролюбие», 2) «Толкование Апостольских Посланий» и 3) «Начертание христианского нравоучения».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ 11 января совершилось крещение младенца. Крестным отцом его был священник Иоанн Попов из с. Паниковцы, а крестной матерью — девица Анна, дочь отца Авраамия, священника Покровской церкви с. Чернавска (*Корольков И.* Преосвященный Феофан, бывший епископ Владимирский и Суздальский. — ТКДА, 1894, т. 2, с. 596).

² Отец Василий был сыном церковного чтеца с. Фашни, Малоархангельского уезда, Орловской губернии. Он окончил Севскую Духовную Семинарию (в 1827 г. переведена в г. Орел и стала называться Орловской) со званием студента и был оставлен при ней в должности воспитателя юношества, так называемого «сениора», в которой прослужил два года. В начале XIX ст. был рукоположен епископом Орловским и Севским Досифеем во священника (*Корсунский И. Н. Преосвященнейший епископ Феофан, бывший Владимирский и Суздальский. М., 1895, с. 3*).

³ *Смирнов П. А. Жизнь и учение Преосвященного Феофана, Вышенского Затворника. Изд. 2-е. М., 1915, с. 11.*

⁴ «Отец Василий так часто бывал на приходе, что о нем родные и знакомые выражались: «Наш батюшка из эпитрахили не выходит» (*Корольков И. Цит. соч., с. 603*).

⁵ *Ключарев А. С. Преосвященный Феофан Затворник и его пастырская деятельность. — «Православный собеседник» (далее — ПС), 1904, сентябрь, с. 394.*

⁶ Она была дочерью священника с. Паниковцы, Елецкого уезда, Орловской губернии, Иоанна Попова (*Крутиков И. А. Преосвященный Феофан — затворник и подвижник Вышенской пустыни. М., 1895, с. 3*).

⁷ Старшая дочь — Любовь была замужем за священником с. Козаки, Елецкого уезда, Владимиром Макариновым. Вторая дочь — Евдокия выдана была замуж за священника с. Ольшанова, Ливенского уезда, Гавриила Переверзева. Старший сын — Симеон скончался, будучи учащимся Севской Семинарии, а другой сын — Иоанн после окончания Семинарии служил священником в с. Ольшанском, а затем в с. Чернавске. Младший из братьев святителя Феофана — Гавриил по окончании курса Семинарии служил священником в с. Ольшанове и скончался в молодом возрасте. Младшая дочь о. Василия — Анна была выдана замуж за Александра Крутикова, протоиерея Владимирской церкви с. Чернавска, скончавшегося в 1883 г. (*Корсунский И. Н. Цит. соч., с. 4—5*).

⁸ *Корсунский И. Н. Смысл жизни и деятельности Преосвященного Феофана (Говорова). К годовщине кончины его. — «Богословский вестник», 1985, т. 1, январь, с. 84.*

⁹ *Корсунский И. Н. Преосвященнейший епископ Феофан..., с. 270—271.*

¹⁰ Там же, с. 6.

¹¹ Впоследствии инспектор училища; скончался в сане протоиерея Ливенского Троицкого собора. Епископ Феофан вспоминает об Иване Васильевиче как своем благодетеле, имел с ним переписку (Собрание писем святителя Феофана. Вып. 5. М., 1899, с. 78—85).

¹² *Ключарев А. С. Цит. соч. — ПС, 1904, с. 397.*

¹³ *Смирнов П. А. Цит. соч., с. 13.*

¹⁴ До конца своей жизни епископ Феофан благоговел перед памятью святителя Тихона Задонского, подражая ему в жизни и творениях.

¹⁵ *Корсунский И. Н. Смысл жизни..., с. 84—85.*

¹⁶ *Смирнов П. А. Цит. соч., с. 14—16.*

¹⁷ *Корсунский И. Н. Преосвященнейший епископ Феофан..., с. 7.*

¹⁸ Есть сведения, что он имел невесту, дочь диакона с. Чернавска Анну Тимофеевну (*Крутиков И. А. Цит. соч., с. 15*). О своей любви в молодости писал епископ Феофан впоследствии: «Мне не было еще 20 лет, когда я это переписывал. Но скондаловал... и пошло наповорот, ибо имелась в виду другая цель» (Собрание писем святителя Феофана. Вып. 1. М., 1898, с. 260).

¹⁹ Впоследствии архиепископ Туркестанский.

²⁰ *Смирнов П. А. Цит. соч., с. 15—16.*

²¹ *Корсунский И. Н. Преосвященнейший епископ Феофан..., с. 10.*

²² Впоследствии архиепископ Херсонский (†1857).

²³ Скончался в сане архиепископа Херсонского в 1883 г.

²⁴ *Смирнов П. А. Цит. соч., с. 18.*

²⁵ Там же, с. 19.

²⁶ *Крутиков И. А. Цит. соч., с. 22.*

²⁷ *Титлов Б. Епископ Феофан. — В кн.: Русский библиографический словарь, издаваемый Русским историческим обществом. СПб., 1913, с. 386; Смирнов П. А. Цит. соч., с. 20—21.*

²⁸ Инспекторами Академии последовательно были: иеромонах Иоанникий (Горский), скончавшийся в 1877 г. в сане архиепископа Варшавского, и архимандрит Григорий (Миткевич), скончавшийся в 1881 г. в сане архиепископа Калужского.

²⁹ *Рыбинский В. П. Памяти Преосвященного Феофана, епископа Владимирского и Суздальского. — ТКДА, 1894, т. 1, март, с. 422.*

³⁰ *Корсунский И. Н. Преосвященнейший епископ Феофан..., с. 11.*

³¹ Собрание писем святителя Феофана. Вып. 3. М., 1898, с. 33.

³² *Смирнов П. А. Цит. соч., с. 22.*

³³ *Рыбинский В. П. Цит. соч., с. 422.*

³⁴ Преемник архимандрита Иннокентия по ректорству, отличался строгим аскетизмом, скончался в 1884 г. на покое в сане епископа Нижегородского.

³⁵ «Мои именины 12 марта, Феофана Сигрианского, Исповедника», — сообщал епископ Феофан (Собрание писем святителя Феофана. Вып. 3. М., 1898).

³⁶ Вместе с Феофаном постриглись в монашество Макарий (Булгаков), впоследствии митрополит Московский, и Михаил (Монастырев), скончавшийся в 1846 г. архимандритом в должности инспектора Киевской Духовной Академии.

³⁷ *Хитров М. И., прот.* Преосвященный Феофан, Затворник Вышенский. Изд. 2-е. М., 1905, с. 9.

³⁸ *Корсунский И. Н.* Преосвященнейший епископ Феофан..., с. 159—160.

³⁹ *Кондратов А.* По святым обителям и богоспасаемым градам (Путевые заметки). — «Душеполезное чтение» (далее — ДЧ), 1895, ч. 3, декабрь, с. 571.

⁴⁰ Собрание мнений и отзывов митрополита Московского и Коломенского Филарета по учебным и церковно-государственным вопросам, изданных Преосвященным Саввою, архиепископом Тверским. Том доп. СПб., 1887, с. 102.

⁴¹ Послужной список Преосвященного Феофана, епископа Тамбовского и Шацкого. (ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 439, ед. хр. 883, л. 2).

⁴² *Корсунский И. Н.* Преосвященнейший епископ Феофан..., с. 21; — Письма митрополита Филарета Киевского к епископу Иеремии Нижегородскому. — ЧОЛДП, 1886, кн. 12, отд. 3, с. 92—93.

⁴³ *Крутиков И. А.* Цит. соч., с. 40.

⁴⁴ *Феофан, епископ.* Путь ко спасению. (Краткий очерк аскетике.) Изд. 9-е. М., 1908, с. 41.

⁴⁵ *Крутиков И. А.* Цит. соч., с. 29.

⁴⁶ Там же, с. 51.

⁴⁷ *Ключарев А. С.* Цит. соч., с. 639.

⁴⁸ Указ Святейшего Синода № 70 от 16 октября 1844 г. «Об определении иеромонаха Феофана на должность бакалавра СПб. Духовной Академии». ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 125, ед. хр. 1487, л. 3 об.

⁴⁹ Там же, с. 640.

⁵⁰ *Смирнов П. А.* Цит. соч., с. 45—46.

⁵¹ *Феофан, епископ.* Цит. соч., с. 64.

⁵² В дальнейшем — епископ Кавказский.

⁵³ *Ключарев А. С.* Цит. соч., с. 640.

⁵⁴ Письмо иеромонаха Феофана (Говорова) к Иеремии, епископу Нижегородскому. — ЧОЛДП, 1887, кн. 1, с. 31—32.

⁵⁵ Скончался в 1885 г. в сани епископа Чигиринского.

⁵⁶ Отец Порфирий в 1843—1846 гг. посетил Палестину, Сирию, Константинополь, Египет, Синай и Афон.

⁵⁷ *Крутиков И. А.* Цит. соч., с. 57.

⁵⁸ *Хитрово В. Н.* Православие в Святой Земле. — Православный палестинский сборник, Т. 1, вып. 1. СПб., 1881, с. 75—76.

⁵⁹ *Никодим (Ротов), архимандрит,* История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Курсовое сочинение, машинопись. Л., 1959, с. 107.

⁶⁰ Иеромонах Феофан около полугода провел в монастыре преподобного Саввы Освященного (там же, с. 111).

⁶¹ *Ключарев А. С.* Цит. соч., с. 645.

⁶² *Порфирий, архимандрит.* Путешествие по Египту и в монастыри святого Антония Велико-го и преподобного Павла Фивейского в 1850 г. СПб., 1856.

⁶³ «За ученые труды и рвение к исполнению возложенных на него обязанностей всеми-лостивейше пожалован 5 мая 1851 года кабинетным золотым наперсным крестом. Определением Святейшего Синода 14 февраля 1852 года утвержден в звании корреспондента конференции Киевской Духовной Академии». (Послужной список Преосвященного Феофана, л. 3).

⁶⁴ *Корсунский И. Н.* Смысл жизни..., с. 94—95.

⁶⁵ Блаженной памяти епископа Феофана, затворника Вышенского. — «Душеполезный собеседник» (далее — ДС), 1915, январь, с. 26.

⁶⁶ Там иеромонах Феофан перевел и составил «Сборник аскетических писаний, извлеченных из патериков обители Саввы Освященного, что близ Иерусалима» и «Материкон» — собрание наставлений аввы Исаяи всецелостной инокине Феодоре» (*Ключарев А. С.* Цит. соч., с. 646).

⁶⁷ *Ключарев А. С.* Цит. соч., с. 647.

⁶⁸ *Крутиков И. А.* Цит. соч., с. 62.

⁶⁹ *Лобов Г.* Епископ Феофан Тамбовский как проповедник. — «Вера и разум», 1916, февраль, с. 177.

⁷⁰ *Никодим, архиепископ.* Цит. соч., с. 139.

⁷¹ *Смирнов П. А.* Цит. соч., с. 64—65.

⁷² *Крутиков И. А.* Цит. соч., с. 66.

- ⁷³ В память войны 1853—1856 гг. архимандрит Феофан награжден бронзовым крестом (*Послужной список Преосвященного Феофана*, л. 2).
- ⁷⁴ Впоследствии епископ Смоленский († 1869).
- ⁷⁵ В печати опубликована одна из его проповедей этих лет — «В день Сошествия Святого Духа». — В кн.: Слова С.-Петербургской Духовной Академии ректора архимандрита Феофана. СПб., с. 165—166.
- ⁷⁶ Крутиков И. А. Цит. соч., с. 67.
- ⁷⁷ Духовным руководством архимандрита Феофана пользовалась, например, княгиня П. С. Лукомская, близкая родственница известного сановника Я. И. Ростовцева (*Ключарев А. С. Цит. соч.*, с. 649).
- ⁷⁸ Переписка между Преосвященными Феофаном, бывшим Владимирским, и Аркадием, бывшим Олонецким. — ХЧ, 1894, ч. 2. с. 71—72.
- ⁷⁹ Лосев С. Из прошлого Олонецкой Духовной Семинарии. Петрозаводск, 1905, с. 5.
- ⁸⁰ Там же, с. 7.
- ⁸¹ «Прошу вас, — писал ему епископ Аркадий, — достопочтеннейший отец ректор Феофан, прошу вас скорее ознакомиться с существенными духовными потребностями Олонецкой епархии и послужить удовлетворению их. Велика ваша нива, но сколь поросла тернием и волчцами» (Переписка между Преосвященными Феофаном, бывшим Владимирским, и Аркадием, бывшим Олонецким. — ХЧ, 1894, июль-август, с. 79).
- ⁸² Лосев С. Цит. соч., с. 9—10.
- ⁸³ См., например, его проповеди на Новый год и в Великий пяток. — В кн.: Слова С.-Петербургской Духовной Академии ректора архимандрита Феофана. СПб., 1859, с. 1—13, 84—104.
- ⁸⁴ Переписка между Преосвященным Феофаном, бывшим Владимирским, и Аркадием, бывшим Олонецким, с. 104.
- ⁸⁵ Ключарев А. С. Цит. соч., с. 651.
- ⁸⁶ См. «Об определении архимандрита Феофана к Посольской церкви в Константинополе» (ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 137, ед. хр. 747, л. 4—5).
- ⁸⁷ Переписка между Преосвященными Феофаном, бывшим Владимирским, и Аркадием, бывшим Олонецким, с. 106.
- ⁸⁸ Феофан, епископ. Мысли на каждый день года по церковным чтениям из слова Божия. М., 1882, с. 14.
- ⁸⁹ Лобов Г. Цит. соч., с. 180.
- ⁹⁰ Ключарев А. С. Цит. соч., с. 659.
- ⁹¹ Титов Ф. И. Суждения Преосвященного Феофана, бывшего епископа Владимирского, о греко-болгарском вопросе и о состоянии Православной Церкви на Востоке. — ТКДА, 1895, май, с. 42.
- ⁹² Ключарев А. С. Цит. соч., с. 660.
- ⁹³ Титов Ф. И. Цит. соч., с. 55.
- ⁹⁴ Ключарев А. С. Цит. соч., с. 662.
- ⁹⁵ См. Указ Святейшего Синода № 5272 «О назначении архимандрита Феофана на должность ректора СПб. Духовной Академии» (ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 137, ед. хр. 747, л. 21).
- ⁹⁶ Ключарев А. С. Цит. соч., с. 633-664.
- ⁹⁷ Лобов Г. Цит. соч., с. 180.
- ⁹⁸ Письма архимандрита Феофана к преподавателю Киевской Духовной Академии (впоследствии епископу Петру) П. А. Троицкому. — ДЧ, 1913, ч. 2, с. 3—16.
- ⁹⁹ Корсунский И. Н. Преосвященнейший епископ Феофан..., с. 53—54.
- ¹⁰⁰ Послужной список Преосвященного Феофана..., л. 4.
- ¹⁰¹ Полнее о юбилее Академии см. в брошюре: Пятидесятилетие С.-Петербургской Духовной Академии 17 февраля 1859 года. СПб., 1859.
- ¹⁰² Крутиков И. А. Цит. соч., с. 84.
- ¹⁰³ ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 1140, ед. хр. 604, л. 29.
- ¹⁰⁴ Феофан, епископ. Слова к Тамбовской пастве в 1859—1860 гг. СПб., 1861.
- ¹⁰⁵ Клавдиан, архимандрит. Преосвященный Феофан, Вышенский затворник. ЖМП, 1953, № 1, с. 51.
- ¹⁰⁶ Феофан, епископ. Слова к Тамбовской пастве, с. 8.
- ¹⁰⁷ Корсунский И. Н. Преосвященнейший епископ Феофан..., с. 74—75.
- ¹⁰⁸ Никольский С., священник, студент МДА. Речь, сказанная при погребении Преосвященнейшего епископа Феофана 12 января 1894 года. Сергей Посад, 1895, с. 4—5.
- ¹⁰⁹ О Православии с предостережениями от погрешений против него. (Слова епископа Феофана. Изд. 2-е. М., 1902, с. 108.)
- ¹¹⁰ Рыбинский В. П. Цит. соч., с. 425.
- ¹¹¹ Прышмонт Ян. Епископ Феофан — русский православный писатель по нравственному богословию. — «Богословские труды», Варшава, 1978, с. 219 (на нем. яз.).
- ¹¹² В «Тамбовских епархиальных ведомостях» за 1861 г. имеется следующее его распоряже-

ние: «Священника Светлова, без уважительных причин не говорившего ни одного поучения в течение целого полугодия, оштрафовать на вдов и сирот духовного звания на 6 руб. серебром и пропечатать неговорившего поучения в Ведомостях ко сведению епархии». — ПС, 1904, ноябрь, с. 824.

¹¹³ *Дубасов И. И.* Памяти святителя Феофана. — «Тамбовские епархиальные ведомости» (далее — ТЕВ), 1894, № 43, с. 872—875.

¹¹⁴ ТЕВ, 1862, № 4, с. 318—324.

¹¹⁵ *Ключарев А. С.* Цит. соч., с. 818.

¹¹⁶ Там же, с. 819—820.

¹¹⁷ ТЕВ, 1861, с. 5, 19, 20; 1862, с. 27, 35, 64, 141, 155; 1863, с. 33, 34, 60, 142, 174.

¹¹⁸ *Ключарев А. С.* Цит. соч., с. 822.

¹¹⁹ *Корсунский И. Н.* Преосвященнейший епископ Феофан..., с. 78.

¹²⁰ ТЕВ, 1862, № 4, с. 275—276.

¹²¹ Прибавление к ТЕВ, 1862—1863, т. 1, вып. 8, с. 305—314.

¹²² *Дубасов И. И.* Очерки по истории Тамбовского края. Вып. 1. М., 1883, с. 136.

¹²³ *Корсунский И. Н.* Преосвященнейший епископ Феофан..., с. 79.

¹²⁴ Там же, с. 79—80.

¹²⁵ Подробнее о Дивеевском деле см.: Собрание мнений и отзывов митрополита Московского Филарета, т. 4. М., 1884, с. 308; т. 5. М., 1887—1888, с. 41—42, 86—89, 94, 106—108, 113—118, 121—123, 134—136, 142—144, 171—172; Письма митрополита Московского Филарета к архимандриту Антонию. Ч. 4. М., 1884, с. 310—311, 318, 139, 282; Письма митрополита Московского Филарета к высочайшим особам и другим лицам, изданные архиепископом Тверским Саввою. Ч. 2. Тверь, 1888, с. 98—99, 105 и др.

¹²⁶ Воспоминания о Преосвященном Феофане Затворнике близкого родственника А. Г. Говорова. — ДЧ, 1894, ч. 2, с. 61—66.

¹²⁷ *Смирнов П. А.* Цит. соч., с. 95—96.

¹²⁸ *Корсунский И. Н.* Преосвященнейший епископ Феофан..., с. 109.

¹²⁹ *Хитров М. И., протоиерей.* Цит. соч., с. 13—14.

¹³⁰ *Клавдиан, архимандрит.* Цит. ст., с. 51.

¹³¹ Воспоминания... А. Г. Говорова, с. 63.

¹³² *Корсунский И. Н.* Цит. соч., с. 101—102.

¹³³ Там же, с. 102.

¹³⁴ ТЕВ, 1863, с. 46.

¹³⁵ Там же, с. 544—546.

¹³⁶ Слова Преосвященного Феофана к Тамбовской пастве в 1861—1863 гг. М., 1867, с. 214—222.

¹³⁷ «Очевидец рассказывает, что слезы текли по кроткому лицу Святителя во время произнесения официального слова и невольно вызвали ручьи слез у слушателей». (*Ключарев А. С.*, Цит. соч., с. 842).

¹³⁸ Слово Преосвященного Феофана, епископа Владимирского и Суздальского, при вступлении на кафедру Владимирскую 1 сентября 1863 года. — «Владимирские епархиальные ведомости» (далее — ВЕВ), № 1, неоф. часть, с. 37.

¹³⁹ *Корсунский И. Н.* Преосвященнейший епископ Феофан..., с. 150.

¹⁴⁰ *Никольский С., священник.* Цит. соч., с. 5.

¹⁴¹ ВЕВ, 1865, № 1, с. 3—15. С этого январского номера «Ведомости» начали впервые издаваться во Владимире, благодаря стараниям и ходатайству епископа Феофана.

¹⁴² *Нецветаев А., священник.* При каких условиях сельские священники более правильно и успешно могут выполнять обязанность — во все праздничные и воскресные дни проповедовать прихожанам слово Божие. — ВЕВ, 1865, № 14, с. 786.

¹⁴³ ВЕВ, 1865, № 1, с. 39; № 2, с. 118—127; № 5, с. 273—279; № 11, с. 602—622; № 20, с. 1135—1141.

¹⁴⁴ ВЕВ, 1865, № 14, с. 786.

¹⁴⁵ ВЕВ, 1865, № 4, с. 200—201; № 10, с. 552; № 14, с. 747—748. 1866, № 3, с. 100; № 8, с. 375—376; № 11, № 12, с. 574; № 13, с. 863.

¹⁴⁶ Открытие Общества православного церковного братства в слободе Мстере Вязниковского уезда. — ВЕВ, 1865, № 3, неоф. часть, с. 172—174.

¹⁴⁷ Устав Общества православного церковного братства при церкви Богоявления Господня в слободе Мстере, Владимирской губернии, Вязниковского уезда. — ВЕВ, 1865, № 3, неоф. часть, с. 166.

¹⁴⁸ «Извлечение из отчета о действиях Богоявленского православного братства в слободе Мстере, Вязниковского уезда, Владимирской губернии, за первый год его существования с 14 октября 1864 года по 14 октября 1865 года». — ВЕВ, 1865, № 23, с. 1321—1333.

¹⁴⁹ Открытие училища девиц духовного звания в г. Владимире и освящение храма при сем училище 11 февраля 1863 года. — ВЕВ, 1865, № 5, с. 280—295.

- ¹⁵⁰ Собрание писем Святителя Феофана, вып. 3, с. 55.
- ¹⁵¹ Послужной список Преосвященного Феофана, л. 17—21.
- ¹⁵² «Пастырский собеседник», 1894, с. 72.
- ¹⁵³ *Ключарев А. С.* Цит. соч., с. 461.
- ¹⁵⁴ Истинная причина удаления Преосвященного Феофана на покой. — ДЧ, 1899, ч. 1, с. 104—112.
- ¹⁵⁵ Собрание писем святителя Феофана. Вып. 5. М., 1899, с. 11.
- ¹⁵⁶ ВЕВ, 1866, № 15, с. 795.
- ¹⁵⁷ *Флоринский Н., свящ.* Прощание с паствою и отъезд Преосвященного Феофана из Владимира. — ВЕВ, 1866, № 16, часть неоф., с. 843.
- ¹⁵⁸ *Хитров М. Н., прот.* Цит. соч., с. 30.
- ¹⁵⁹ *Флоринский Н., свящ.* Цит. соч., с. 845—846.
- ¹⁶⁰ Там же, с. 847—848.
- ¹⁶¹ *Крутиков И. А.* Цит. соч., с. 103.
- ¹⁶² *Флоринский Н., свящ.* Цит. соч., с. 848—849.
- ¹⁶³ Письма епископа Феофана к Н.И.К. — ДЧ, 1903, ч. 3, с. 637.
- ¹⁶⁴ Собрание писем святителя Феофана. Вып. 1. М., 1898, с. 56, 94, 187.
- ¹⁶⁵ Письма Преосвященного Феофана Затворника. — «Христианин», 1909, декабрь, с. 902—903.
- ¹⁶⁶ Письма епископа Феофана к Н.И.К., с. 74, 75.
- ¹⁶⁷ Письма Преосвященного Феофана Затворника. — «Христианин», 1909, декабрь, с. 902.
- ¹⁶⁸ Собрание писем святителя Феофана. Вып. 6. М., 1899, с. 215.
- ¹⁶⁹ *Хитров М. И., прот.* Цит. соч., с. 45.
- ¹⁷⁰ Дело «О возведении Преосвященного Феофана, бывшего епископа Владимирского, на степень доктора богословия». (ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 171, 1 отд., 3 ст., ед. хр. 311, л. 10).
- ¹⁷¹ «Совет Академии, — пишет епископ Феофан 26 февраля 1890 г., — известил меня о возведении меня на степень доктора богословия, но диплом еще не получен. Это докторство меня очень радует». (Собрание писем святителя Феофана. Вып. 7. М., 1900, с. 253).
- ¹⁷² Письма епископа Феофана к священнику в г. Киеве. — «Воскресное чтение», 1894, № 33—34, с. 535.
- ¹⁷³ Село в 25 верстах от г. Тамбова.
- ¹⁷⁴ «Церковный вестник», 1876, № 23, с. 62—63.
- ¹⁷⁵ *Ключарев А. С.* Цит. соч., с. 592—593.
- ¹⁷⁶ «Замечательное совпадение, — пишет проф. И. Н. Корсунский, — и имя святителя Феофана, что значит «Богоявленный», и малая церковь его келлии в затворе устроена была во имя Богоявления Господня, и скончался он в день Богоявления Господня. Мы помним также, что и икону Богоявления писал Преосвященный Феофан в числе других немногих предпочтительно пред всеми иными иконами» (*Корсунский И. Н.* Цит. соч., с. 289).
- ¹⁷⁷ Письма игумена Тихона, подвижника Вышенского. — ДС, 1907, январь, с. 20.
- ¹⁷⁸ *Феофан, епископ.* Краткие мысли на каждый день года, расположенные по числам месяцев. Изд. 2-е. М., 1894, с. 40.
- ¹⁷⁹ «При проезде на похороны и отъезде можно было встретить группы богомольцев с котомками за плечами: иные шли 200, иные 300 верст, чтобы поклониться почившему и проститься с ним, помолиться об упокоении души его и испросить у него молитв перед Престолом Божиим». (*Хитров М. И., прот.* Цит. соч., с. 203).
- ¹⁸⁰ *Корсунский И. Н.* Преосвященнейший епископ Феофан..., с. 290.
- ¹⁸¹ *Крутиков И. А.* Цит. соч., с. 135.
- ¹⁸² При погребении почившего Святителя участвовало более 50 священнослужителей.
- ¹⁸³ *Никольский С., свящ.* Цит. соч., с. 8—9.
- ¹⁸⁴ Письма игумена Тихона... — ДС, 1907, январь, с. 20.